Верность

Автор:
Меган ДеВос

Верность

Меган ДеВос

Анархия #2

Все хорошее осталось в прошлом, дальше будет только хуже. Это стало абсолютно ясно еще шестнадцать лет назад, когда глобальная война уничтожила цивилизацию на планете. Обитателям лагерей, возникших вокруг разбомбленного Лондона, все труднее находить в развалинах города то, что помогает им влачить жалкое существование: консервы, лекарства, патроны, батарейки, одежду и прочее.

Такова реальность, в которой живут Хейден Абрахам, молодой командир лагеря Блэкуинг, и Грейс Кук из лагеря Грейстоун, волей случая оказавшаяся пленницей Хейдена. Любовь застала их врасплох. Хейден и Грейс учатся быть людьми на обломках мира, где все человеческое стремительно исчезает. И где назревает война между Грейстоуном и Блэкуингом, война, чей инициатор – родной брат Грейс.

Впервые на русском!

Меган ДеВос

Верность

Посвящаю Майклу, моему Геркулесу

Глава 1. Доверие

Грейс

Из грудной клетки по телу разливались неутихающие волны боли. Чтобы хоть немного ее унять, я зажмурилась и протяжно выдохнула. Хейден старался вести машину как можно ровнее, и все равно любая маленькая кочка, на которую мы натыкались, давала такой эффект, будто меня кувалдой лупили по боку. Пытаясь скрыть гримасы боли, я спрятала лицо в ладонях. Хейден при всем желании не мог выровнять дорогу, и я не хотела портить ему настроение. Мои внутренности не подчинялись его контролю.

Пикап наскочил на ком дерна, и ребра вновь запульсировали болью. Через стиснутые зубы с шипением прорвался воздух. Стараясь отогнать боль, я крепче схватилась за плечо Хейдена, скомкав в кулаке ткань его рубашки. Пикап чуть сбросил скорость. Хейден старался ехать осторожнее.

Вспышка адреналина во время стычки и разговор с Хейденом отвлекли меня, и я не сразу заметила свою рану. Боль я почувствовала уже в машине, а сейчас она сделалась просто невыносимой: мне словно прожигали ребра раскаленным прутом. От теплой, липкой крови рубашка приклеилась к животу, но по сравнению с болью это была лишь мелкая неприятность.

Я судорожно вздохнула, заметив, что пикап пробирается среди деревьев. Значит, Блэкуинг совсем близко. Кто-то дотронулся до моей спины. Я чуть не подскочила от нового всплеска боли, ударившего по нервам.

– Ты как себя чувствуешь? – спросила сидящая рядом Мэлин.

В ее голосе я уловила тревогу, смешанную с изумлением. Мои спутники не сразу поняли, что я ранена. Впрочем, Хейден заметил, что со мной что-то не так.

В ответ я лишь кивнула и издала нечленораздельный звук. Мое лицо упиралось в руку, а рука – в сиденье Хейдена. Другая рука лежала на его плече; я знала, что это его нервирует, но только это давало мне силы не сдаваться боли.

– Паршиво она себя чувствует, – сердито бросил Хейден.

Он сказал еще что-то, но из-за гула мотора я не расслышала. Меня тронула его забота, пусть и прикрытая раздражением. Я не нашла в себе сил ответить, а тут машина подскочила на очередной кочке, и меня опять тряхнуло.

Еще несколько минут мучений, и вот наконец Хейден остановил пикап. Услышав звук открываемой дверцы, я едва смогла поднять голову. Хейден стоял в проеме больничной двери. Стоило мне повернуть голову, как тут же все вокруг поплыло и закружилось. Увидев красное пятно у меня на боку, Хейден шагнул к пикапу, подхватил меня на руки и легко вытащил наружу.

– Хейден, я в полном порядке, – соврала я, моргая и пытаясь держать голову высоко.

Он крепко прижал меня к себе и понес. Я что-то мямлила, пытаясь возражать, но руки сами собой сомкнулись на его шее.

– Ты совсем не в порядке, – мягко возразил Хейден.

Двигатель пикапа все еще тарахтел. Похоже, никто из наших оттуда не вылезал. Хейден не сказал им ни слова. Просто вытащил меня с сиденья и понес.

– Нет…

– Грейс, не морочь мне голову, – твердо возразил Хейден.

Моя голова лежала на его плече, но я живо представляла хмурую физиономию Хейдена. Голова кружилась. Ну и состояньице, когда ты настолько ослабла, что тебя несут на руках! Слабость злила. Я выдерживала боль и похуже, причем одна. Я вполне могла идти сама.

Во всяком случае, мне так казалось, однако я не брыкалась, позволяя Хейдену себя нести. От его тела даже через рубашку веяло теплом. У него гулко колотилось сердце, и удары отдавались в плечо, где покоилась моя голова. Я ощущала себя бесполезной ношей. Хейден толкнул дверь, и мы оказались в больнице. Дверь захлопнулась, отгородив нас от яркого солнечного света.

– Докк! – громко крикнул Хейден.

Я дернулась от его крика, схлопотав очередную волну боли.

– Прости, забыл, – виновато пробормотал он, заметив мою гримасу.

– Я в луч… – вякнула я, зажмуриваясь что было сил.

Хейден поглаживал меня по плечу. Это хоть немного унимало боль.

– Что случилось? – своим обычным спокойным тоном спросил Докк, подойдя к нам.

– Ввязалась в сражение с тремя Зверями сразу, – кратко пояснил Хейден.

– Боже мой, Грейс, – с легким осуждением произнес изумленный Докк. – Укладывай ее на койку.

– Я тебя сейчас опущу на койку. Не возражаешь?

Странный вопрос. Его голос звучал возле самого уха. Я открыла глаза. Лицо Хейдена было совсем рядом: серьезное, встревоженное. Яркие зеленые глаза безотрывно смотрели на меня из-под нависших бровей.

– Не возражаю, – вяло отозвалась я.

Мне был противен собственный дрожащий голос и то, что Хейден видит меня слабой и беззащитной. Словом, такой, какой я всегда старалась не быть. Если родилась девчонкой – этого уже достаточно, чтобы тебя не принимали всерьез. А тут еще угодила в состояние раненой девчонки, которую нужно на руках нести в больницу. Но в глазах Хейдена не было и намека на жалость. Он бережно

опустил меня на койку и не убирал рук, пока я не кивнула.

– Куда тебя ранили? – тихо спросил Докк, пристально глядя на меня своими темно-карими глазами.

Мне было трудно сосредоточиться на нем, поскольку зеленые глаза Хейдена по-прежнему от меня не отрывались. Я молчала, и Докку пришлось повторить вопрос, прежде чем я повернулась в его сторону.

– Девочка, я спрашивал, где болит? – терпеливо повторил он.

– Ребра, с левой стороны.

Пытаясь показать место, я коснулась раны и снова поморщилась. В этом месте было мокро от крови. Докк наклонился, присмотрелся. Он и без моих подсказок понимал, куда меня ранили.

– Мне нужно продезинфицировать рану, а для этого придется разрезать рубашку. Хейден, будь добр, отойди.

– Нет! – выпалила я. Ругая себя за поспешность, резко проглотила скопившуюся слюну и заявила: – Хейден может остаться.

В глазах Докка мелькнуло понимание.

– Будь по-твоему, девочка, – неторопливо кивнул он.

Врач ушел за нужными вещами, и я взглянула на Хейдена. Он подался вперед и оперся руками о тонкий матрас, почти рядом с моей рукой. Может, я зря это сказала и он вовсе не хочет оставаться?

– Слушай, ты это… если не хочешь…

– Грейс, заткнись, – тихо произнес Хейден и взял меня за руку. – Я останусь.

У меня перехватило дыхание. Пальцы Хейдена переплелись с моими и начали осторожно их перебирать. Мое сердце запорхало, и боль уже не казалась нестерпимой. Мы и не заметили, как вернулся Докк. Он увидел наши соединенные руки, но промолчал.

– Вот, прими. – Докк протянул мне таблетку и бутылочку с водой. – Болеутоляющее.

Я послушно проглотила таблетку. Кожа ощутила холодок ножниц. Докк ловко поддел край рубашки и быстро располосовал ткань. Остатки рубашки упали на пол. Я осталась в шортах и лифчике. Докк был врачом, а Хейден много раз видел меня и такой, и совсем голой.

Докк осторожно ощупывал мои ребра. Я морщилась, противясь искушению посмотреть. Опыт предыдущих ранений подсказывал: от этого только больнее, лучше не глазеть и не знать, как все плохо. Мы с Хейденом пристально смотрели друг на друга. Он ободряюще сжимал мне руку, водя большим пальцем по моему.

– Что вызывает у тебя боль? – спросил Докк. – Сама рана?

Куском марли он вытер сочащуюся кровь, а другим продезинфицировал рану спиртом. Кожу обожгло. Ноздрей коснулся резкий запах.

– Нет, не рана, – честно ответила я.

Конечно, место пореза болело, но таких ран в моей жизни было предостаточно, и я их спокойно выдерживала. Боль, изводящая меня сейчас, таилась глубже, будоражила все тело и очень отличалась от кожного пореза.

– М-да, – пробормотал Докк.

Он продолжал осматривать мои ребра. Не удержавшись, я покосилась вниз и чуть не вскрикнула. От вида поврежденного ребра обожгло новым взрывом боли. Бок перечеркивала косая рваная рана длиной около пяти дюймов. Она начиналась чуть ниже груди и кровоточила гораздо сильнее, чем я ожидала. Рана не отличалась глубиной, но ее длина нагоняла страха.

Однако куда опаснее был темно-пурпурный кровоподтек, успевший возникнуть в этой части грудной клетки. Мгновенное скопление крови не предвещало ничего хорошего. Мои страхи имели под собой вескую причину.

– Ребро сломано, – почти шепотом подвела я итог нашего совместного осмотра.

Боль сделалась сильнее. Вполне ожидаемо – так всегда бывает, когда увидишь место повреждения.

– Боюсь, что так, – невозмутимо отозвался Докк.

Его пальцы слегка надавили с обеих сторон на грудную клетку. Я снова дернулась и шумно втянула в себя воздух.

– Убери руки! – потребовал Хейден.

Докк вопросительно взглянул на него.

– Ты делаешь ей больно, – пояснил Хейден, выдерживая взгляд врача.

Я легонько сжала ему руку. Хейден смотрел на Докка и хмурился. Заметив, что я наблюдаю за ним, он повернулся ко мне.

– Все нормально, – сказала я.

Судя по настороженному лицу Хейдена, он мне не верил.

– Сынок, тебе лучше все-таки выйти на воздух, – деликатно предложил Докк.

Я знала: сейчас мне снова будет больно. Вряд ли Хейдену захочется на это смотреть. Докк понимал его состояние.

– Нет, – твердо заявил Хейден. – Я останусь.

– Будь по-твоему, – вздохнул Докк. – Только знай: Грейс придется еще какое-то время потерпеть. Так что лучше ободряй ее и не мешай мне работать.

Хейден хмуро кивнул.

– Прекрасно. А теперь, Грейс, мне нужно ощупать место травмы. Ты мне скажешь, где болит сильнее всего.

– Ладно.

Я вдохнула поглубже, стараясь успокоиться. Хейден сжал мне руку. Я кивнула, показывая, что готова.

Докк действовал с предельной осторожностью, пытаясь нащупать малейший выпирающий осколок. Надавливания вызывали боль, но она была вполне терпимой. Свой осмотр он повторил раза три или четыре. Наконец его пальцы коснулись некой точки, и тут я вскрикнула.

– Здесь, – едва слышно прошептала я.

Боль прошла по всему телу.

Хейден тяжело выдохнул. Другая его рука осторожно коснулась моего плеча. И снова он водил большим пальцем по моей коже, немного отвлекая.

– Понятно, – констатировал Докк, отметив для себя очаг. – Если повторится, скажешь.

Я молча кивнула, пытаясь волевым усилием отгородиться от неприятных ощущений. Пальцы Докка дотрагивались до моих ребер, но резкая, пронзительная боль не возвращалась. Осмотр закончился. Я вновь открыла глаза. Конечно же, все это время Хейден не сводил с меня глаз. Я взглянула на него и только потом отважилась посмотреть на Докка.

– Что там? – спросила я, боясь услышать подтверждение своих догадок.

– По-моему, тебе повезло, – неспешно ответил Докк, готовясь накладывать швы на мою рану. – Без рентгена трудно делать выводы, но я подозреваю перелом ребра. Скорее всего, чистый, и ребро успешно срастется. Правда, улучшения

начнутся лишь через несколько дней, а до этого придется потерпеть.

Я шумно и с облегчением выдохнула. Одно сломанное ребро – не такая уж беда, особенно если перелом чистый. Гораздо опаснее были бы осколки кости, способные повредить внутренние органы. Мне действительно повезло.

– Увы, шину на ребро не наложишь, – продолжал Докк. – Придется тебе потерпеть несколько недель, пока ребро не начнет срастаться.

Без предупреждения он обработал мне рану дезинфицирующим раствором. Я зашипела от боли. Рука Хейдена крепко сжала мою, словно боль передалась и ему.

– Что ж, хорошая новость, – сказала я сквозь зубы.

Докк осматривал рану, готовясь накладывать швы. К сломанному ребру это не имело никакого отношения, и глядеть тут было особо не на что.

– Значит, ребро Грейс полностью срастется? – спросил Хейден.

Это были его первые слова с тех пор, как Докк велел ему выйти на улицу.

– Да, – равнодушно ответил врач, возвращаясь к моей ране. – Готова зашиваться?

Я кивнула и крепко сжала челюсти, приготовившись к знакомому укусу иглы. Анестезиологические препараты были большой редкостью. У меня бы язык не повернулся просить Докка о чем-то подобном. В Блэкуинге я считалась чужачкой и не хотела, чтобы они тратили на меня свой неприкосновенный запас.

Я посмотрела на Хейдена. Он скорчил рожу и наклонился ниже. Рука скользнула по моей шее и остановилась на щеке. Запустив пальцы мне в волосы, большим Хейден поглаживал меня по щеке.

– Просто смотри на меня, – предложил он. – Ты и не заметишь, как все кончится.

Я кивнула и постаралась следить за дыханием. Я думала о своих ощущениях. О том, как здорово, что Хейден находится рядом со мной, когда у него наверняка

есть другие дела. Как бы мне ни хотелось быть сильной и независимой, в глубине души я сознавала, до чего же здорово, когда кому-то на тебя не наплевать. Ощущение было странным: знать, что кто-то всерьез о тебе заботится. Со своими проблемами я привыкла разбираться сама.

Даже в Грейстоуне единственным человеком, на кого я могла опереться, был мой отец. Селт всегда приходил мне на помощь, если был поблизости. Но его положение в лагере редко давало ему такую возможность. Рассчитывать на постоянную поддержку отца я не могла.

Мой брат был слишком жесток и дерзок. Чисто физическая поддержка – это все, что он мог мне оказать. Я не помню ни одного разговора с ним, который бы так или иначе не касался разных видов насилия.

Люти, моя единственная подруга, была слишком хрупкой. На такую не обопрешься. Это она всегда опиралась на меня, всегда искала моей поддержки, а не наоборот. Наверное, если бы мне вдруг понадобилась ее помощь, Люти охотно бы помогла. Но за все годы нашей дружбы такой ситуации не возникло ни разу.

А сейчас, пока игла Докка сшивала рваные края моей раны, я нуждалась в поддержке Хейдена. В его руках – одна лежала у меня на щеке, другая была сплетена с моей. В его спокойном взгляде, не дававшем мне распасться на куски. Я нуждалась в его ободрении и сильной поддержке, хотя и боялась это признать. И при всем своем нежелании в этом сознаваться, при всех правилах, вдолбленных мне в детстве (а правила запрещали принимать помощь от врагов), я нуждалась в Хейдене.

Я пристально смотрела на него, отгоняя боль, а он продолжал водить пальцем по моей щеке. Его взгляд гипнотизировал меня и настолько влиял на мои мысли, что я уже почти не чувствовала боли. Хейден не замечал следов засохшей крови у себя на лице. Пока мне зашивали рану, мне отчаянно хотелось смыть с него эти следы. Во время нашей вылазки ему тоже досталось, но сейчас все его заботы были обращены на меня.

– Почти закончил, – сообщил Докк, пробуждая меня от этих мыслей.

Хейден вскинул брови, ободряюще посмотрел на меня.

– Грейс, а ты прекрасно держишься, – негромко и нежно сказал он.

В этот момент игла так меня кольнула, что я невольно закусила нижнюю губу. Судорожно выдохнув, я вновь сосредоточилась на Хейдене и его ласковых прикосновениях. Сердце громко стучало, хотя я подозревала, что это никак не связано со сломанным ребром.

Наложив последний стежок, Докк обрезал хирургическую нитку и перебинтовал поврежденное место. Я и не подозревала, в каком напряжении находилась, пока он накладывал швы. Наконец-то я смогла расслабить затекшие плечи.

– Процедура окончена, – провозгласил Докк.

Он собрал инструменты. Хейден вдруг наклонился и быстро поцеловал меня в лоб.

– Отличная работа, – прошептал он, потом еще раз погладил меня по щеке и отошел от койки.

Докк, конечно же, все это видел, но молчал, предпочитая не комментировать очевидное притяжение, которое существовало между Хейденом и мною.

– Сейчас дам тебе болеутоляющие, и больше не смею задерживать, – сказал Докк, направляясь к шкафу с лекарствами.

– Не надо, я и так справлюсь, – торопливо сказала я.

Мне не хотелось посягать на их запасы.

– Тише, дитя. Половине того, что здесь собрано, я обязан тебе. Считай это знаком благодарности.

Я вздохнула и согласилась, ощущая себя последней эгоисткой. Надо было поспорить с Докком, однако лекарства были мне нужны. Жжение от раны пропадет через несколько часов, а сильная боль в сломанном ребре будет мучить еще несколько дней, если не недель.

– Будешь принимать по одной таблетке каждые шесть часов. – Докк подал мне флакончик. – В случае особо сильных болей – две.

– Что это? – спросила я, силясь прочитать полустершуюся этикетку.

– Гидрокодон.

Я кивнула: название было мне знакомо. Докк вложил мне в руку второй флакончик.

– Где-то через неделю перейдешь на ацетаминофен. Его принимать по таблетке каждые четыре часа, пока остается необходимость.

– Спасибо вам, Докк.

Этих слов было мало, для того чтобы выразить мою признательность за все сделанное для меня этим человеком с самого первого дня моего появления в Блэкуинге, но никакие другие мне на ум не приходили.

– Не стоит благодарности. А теперь вам обоим надо отдохнуть. Тебе, Хейден, еще и отмыться не помешает. Не хватало, чтобы ты оказался у меня на койке с какой-нибудь заразой, – сурово закончил Докк, попеременно глядя на нас.

– Обязательно, – пообещал Хейден.

Он снова повернулся ко мне и, похоже, только сейчас сообразил, что выше пояса я одета только в лифчик. Хейден торопливо сдернул с себя футболку и подал мне.

– Оденься, – тихо сказал он.

Я благодарно кивнула и принялась одеваться. Мне удалось просунуть голову и одну руку, а вот со второй из-за раненого бока случилась заминка. Хейден молча помог мне, потянув за края футболки. Я вновь почувствовала себя беспомощной, отчаянно стараясь не покраснеть.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Хочешь, донесу тебя до хижины?

– Нет, сама дойду.

Пытаясь сохранить бесстрастное лицо, я опустила ноги на пол. Хейден так и стоял надо мной, явно не веря моим словам.

– И все-таки, давай-ка я…

– Хейден, ну что ты, в самом деле? – упрямилась я. – Просто… дай мне руку. Незачем меня нести.

Он сокрушенно вздохнул и повернул локоть так, чтобы я смогла взять его под руку и встать. Боль тут же хлестанула по ребрам, но я не поддалась и сделала нетвердый шаг, опираясь на Хейдена.

– Поддерживайте друг друга, – раздалось у нас за спиной. – Слышите?

Я невольно улыбнулась, хотя и не во весь рот. Приятно было слышать эти слова от Докка.

– Обязательно, – пообещала я.

Хейден промолчал, сосредоточенный на том, чтобы безболезненно довести меня до двери. Докк посмеивался у нас за спиной. Наконец Хейден открыл дверь. Солнце садилось, заливая Блэкуинг мягким золотистым светом.

К моему удивлению, снаружи нас дожидался Дакс. Он стоял, привалившись к стене. Пикапа не было. Значит, машину успели разгрузить и поставить в гараж. Увидев нас, Дакс отлепился от стены и двинулся навстречу. Вскоре я поняла, почему он нас ждал. В руках у Дакса был фотоальбом, найденный мною в развалинах дома Хейдена. Сперва Дакс удивился, почему Хейден без футболки, но потом понял, куда она переместилась.

– Привет. – Такого серьезного тона я от Дакса еще не слышала. – Все в порядке?

Я не знала, к кому обращен вопрос. Поскольку Хейден молчал, отвечать пришлось мне.

– В лучшем виде.

– У Грейс сломано ребро, – тяжело вздохнув, сообщил Хейден.

На таком фоне мои слова выглядели преувеличением, если не враньем.

– Ничего себе сюрпризик, – сочувственно поморщился Дакс. – Эти Звери совсем обнаглели.

– Ребро быстро срастется, – упрямо заявила я.

Дакс лишь усмехнулся и замотал головой:

– Конечно срастется. А я вот почему здесь торчу. Загонял пикап в гараж и нашел на переднем сиденье…

Он не договорил, выразительно посмотрев на фотоальбом. Хейден в некотором замешательстве протянул руку, чтобы забрать находку.

– Это мой, – сказал Хейден, не вдаваясь в подробности.

– Откуда? – полюбопытствовал Дакс.

– Из моего дома, – отрезал Хейден.

Чувствовалось, он не хотел продолжать разговор о находке.

– Значит, ты все-таки решился туда зайти? – восторженно спросил Дакс.

У него даже глаза округлились. Получается, Дакс знал, что Хейдену тяжело навещать развалины родного дома.

Хейден тяжело вздохнул, покачал головой, затем кивнул в мою сторону:

– Думаешь, из-за чего ей въехали по ребрам?

Все с тем же восторгом, к которому добавилось удивление, Дакс уставился на меня:

– Ты туда полезла, чтобы добыть ему альбом?

– Да, – коротко ответила я, стараясь не встречаться с ним глазами. Уж слишком много вопросов в них отражалось.

– Вот это финт, – восхищенно бросил мне Дакс.

Воцарилась тишина. Дакс переваривал новость, из которой сделал два основных вывода: Хейден рассказал мне про дом, а я, рискуя жизнью, полезла в развалины, пытаясь найти там что-нибудь ему на память. Значимость случившегося подкреплялась тем, что Хейден держал меня под руку, и угрюмым выражением его лица.

– А вы, получается, вроде как… вместе?

У Дакса это звучало скорее утверждением, нежели вопросом. Честно говоря, я сама толком не знала, как назвать наши отношения с Хейденом. У меня к нему были чувства, причем очень сильные. Все остальное было мне неведомо.

– Дакс, нам надо идти, – сказала я, когда молчание Хейдена слишком затянулось.

Вероятно, его сейчас больше заботило, как благополучно довести меня до хижины, чем болтовня с Даксом.

Мы двинулись к дому. Хейден озабоченно поглядывал на меня, не упоминая о вопросе Дакса, и меня это устраивало. Мы прошли несколько ярдов, когда Дакс бросил нам вслед:

– По мне, так нормально.

Он говорил так, чтобы слышали только мы, а не чужие уши, случайно оказавшиеся рядом.

– Пока, Дакс, – негромко ответил Хейден, по-прежнему не реагируя на слова друга.

Я невольно усмехнулась. Мне понравилось, что мы объединенным фронтом выступили против попыток Дакса сунуть нос в наши дела.

К хижине мы шли дольше обычного. Хейден избрал щадящую скорость, чтобы ходьба доставляла мне поменьше боли. Он подвел меня к кровати и помог сесть. Я вдруг впала в заторможенно-задумчивое состояние. Боль утратила прежнюю остроту. Это я относила за счет действия таблетки, проглоченной в больнице.

– Ты и в самом деле нормально себя чувствуешь? – тихо спросил Хейден.

Я едва не вытаращила глаза. Его забота была мне приятна, но прямо-таки ошеломляла.

– Нормально. Хейден, клянусь тебе.

Он опустился на колени. Теперь наши лица находились на одном уровне. Его руки коснулись моих колен, а пальцы начали осторожно ощупывать кожу. Он хотел убедиться, что я говорю правду. Раньше, чем я успела подумать, моя рука потянулась к его подбородку. Большой палец дотронулся до нижней губы, ощущая запекшуюся кровь в месте рассечения. Хейден шумно втянул воздух.

– Идем тебя отмывать, – тихо сказала я.

Мне ужасно хотелось позаботиться о нем. Он со мной столько возился, ничего не получая в ответ. Хейден тяжело вздохнул, преодолевая желание уложить меня отдыхать.

– Герк, ну пожалуйста, – канючила я.

Мне хотелось смыть с него все следы нашей вылазки, подбодрить, успокоить. Словом, хотелось проявить такую же заботу, какую я видела от него. Прошло

несколько секунд. Хейден прижался щекой к моей ладони и вздохнул, будто потерпел поражение.

– Будь по-твоему, Медведица.

Глава 2. Взять и вычеркнуть

Грейс

– Будь по-твоему, Медведица.

Боль в боку не исчезла, но Хейден произнес мое прозвище, которое сам же и придумал, и меня пронизал трепет. Было так странно и непривычно чувствовать себя девчонкой. Всплески эмоций, поползновения проявить заботу о нем – ничего подобного раньше я не ощущала и представить не могла, что когда-нибудь это почувствую. Неровные удары сердца, ощущение бабочек в животе наполняли меня незнакомым теплым чувством. Не стану отрицать: оно мне нравилось.

Подбородок у Хейдена был теплым. В глазах – какая-то беззащитность. Никак не думала, что однажды это увижу. И вот увидела. Я ничего не придумывала. Хейден продолжал стоять на коленях и пристально на меня смотреть. Запекшаяся кровь с лица никуда не делась, отчего мне еще сильнее захотелось поскорее все это смыть.

– Пошли, – тихо сказала я и еще раз погладила его по подбородку.

Моя ладонь оказалась рядом с его ладонью. Я осторожно приподняла руку Хейдена и только сейчас заметила, что и на ней есть порезы и корка засохшей крови. Я поглубже вдохнула и встала, стараясь не морщиться от боли. Хейдену не нравилось на это смотреть, и я не хотела добавлять ему переживаний.

Он бережно взял меня за руку и повел в так называемую ванную. Казалось, по моей руке, от пальцев к плечу, проскочила искра. А ведь меня очень давно не

держали за руку! Только родители, в раннем детстве. С тех пор больше никто этого не делал. Прикосновение Хейдена было нежным и очень интимным. Его палец скользил по моему пальцу. Это напоминало молчаливое единение, подкрепленное столь невинным контактом.

Хейден не проронил ни слова. Я подвела его к небольшому тазу (нашей «раковине»), заставила нагнуться и прислониться к стенке. В тазу уже была вода. Я намочила полотенчико. Вода была холодной (мне бы такая не понравилась), но ничего не поделаешь.

Мой пульс участился. Я повернулась к Хейдену. Наши глаза встретились. Он все так же стоял у стены, расслабленно сложив руки на груди. Я робко шагнула к нему, сжимая мокрое полотенце, но вплотную не подошла.

– У тебя точно нет серьезных ран? – спросила я, заметив высохшую струйку крови, которая начиналась у нижней губы и тянулась по подбородку.

На шее обнаружились еще несколько засохших брызг крови. Правда, это могла быть и чужая кровь. Хейден вздохнул, разнял руки и подтянул меня ближе.

– Да, Грейс, – ответил он. – Я бывал в переделках похуже сегодняшней.

Мне вспомнилась его спина, исполосованная шрамами, – лучшее подтверждение правоты его слов. Он сам не знал, сколько ран успел получить, и куда более серьезных, чем рассеченная губа и содранная кожа на костяшках пальцев. Но факт оставался фактом: зрелище раненого Хейдена мне очень не нравилось.

Его рука так и застыла у меня на бедре. Я кивнула, приготовившись обмыть ему губы и подбородок. Что-то не давало мне начать.

– Посиди спокойно, – тихо попросила я.

На лице Хейдена появилась легкая усмешка.

– Да, мэм, – тоном послушного мальчика ответил он.

Мне было не оторваться от его внимательного взгляда, но я все же заставила себя опустить глаза и осмотреть поврежденную губу Хейдена. Сделать это было непросто: его рука буквально жгла мне бедро, однако я не прекращала попыток. Кровь успела запечься, да и сам порез не отличался глубиной, хотя губа немного распухла. Другой рукой я уперлась в подбородок Хейдена, не давая ему вертеть головой, и начала смывать засохшую кровь.

Он ни разу не вздрогнул и не дернулся, продолжая безотрывно смотреть на меня. Я кожей чувствовала, как Хейден молча изучает каждый уголок моего лица. О чем он сейчас думает? Вопрос вертелся у меня на языке, но остался незаданным.

Я медленно водила мокрым полотенцем по теплому подбородку Хейдена, убирая остатки засохшей крови. Оставалось вытереть чистой стороной полотенца у него над губой. Зеленые глаза Хейдена так и сверкали. Чувствовалось, в его мозгу проносилась тысяча и одна мысль, и все они были для меня полной загадкой. На мгновение я оцепенела и не могла разорвать эту связь.

Все это было таким неожиданным и нереальным. Хейден – мой враг в недавнем прошлом, мой пленитель. И тем не менее сейчас я стояла перед ним, считая такое положение вещей вполне нормальным. Должен же быть рядом с ним кто-то, кто обмоет ему раны и к кому он может прислониться в минуты слабости. Я не сомневалась: Хейден еще никому не позволял видеть себя в таком состоянии. Я ведь тоже не позволяла, чтобы меня видели раскисшей. Мне казалось, я получила незаслуженный приз.

Хейден слегка сдавил мне бедро. Я заморгала, судорожно глотнула воздух и опять заработала полотенцем. Раны не обнаружилось. Значит, кровь была чужой. «Памятка» о его столкновении со Зверями.

– Обычно я это делаю сам, – тихо сказал Хейден, не сводя с меня глаз.

Я мельком взглянула на него и продолжала убирать кровь с его щеки.

– Раньше делал, – ответила я, смывая последний островок крови. – Теперь не будешь.

Хейден молчал. Я еще раз осмотрела его лицо. Больше ни пятнышка. Оставалось промыть содранные костяшки. Полотенце я бросила в таз, а сама потянулась к его руке.

– Ближе, – попросила я, подтягивая Хейдена к тазу.

Я медленно погрузила его исцарапанную руку в холодную воду. Почти сразу же в воде появились розовые разводы. Зная, как болят отбитые костяшки, я осторожно отмыла их от крови. Костяшки успели покраснеть и вспухнуть. Кроме содранной кожи, имелись и порезы. Завтра все это побагровеет.

Хейден все так же пристально следил за моими движениями. Я изо всех сил старалась не добавить ему боли. Может, и добавила, но он не жаловался. Все слова куда-то подевались. Правда, и Хейдена не тянуло на разговор. Он пребывал в странной задумчивости, будто думал сразу о многом, но ничего не мог высказать.

– Ну вот и все, – сказала я, в последний раз коснувшись его содранных пальцев. – По-моему, отмыла.

Я вытащила наши руки из воды и стала осторожно вытирать сухим полотенцем, что висело рядом. Оглядев лицо и руку Хейдена, я осталась довольна. Порезы не смыть, зато кожа теперь чистая.

– Спасибо, – тихо сказал Хейден.

Я поднесла к губам его руку и прижалась к покалеченным костяшкам, словно пыталась вытянуть оттуда боль. Хейдену наверняка было больно. Он смотрел на меня. Пылающие зеленые глаза следили за моими нежными прикосновениями, отчего у меня неистово колотилось сердце.

– Не стоит благодарности, – пробормотала я.

К моему удивлению, он тоже намочил тряпку.

– А теперь отмоем тебя, – сказал Хейден и решительно шагнул ко мне.

Он запрокинул мне голову. Холодная тряпка коснулась виска. Я и сама чувствовала, что оттуда шла кровь.

Настала моя очередь наблюдать за сосредоточенными движениями Хейдена. На его лице и сейчас еще отчетливо читалась тревога за мое состояние. Смывая с меня кровь, он от усердия выпятил челюсть. Не подумала бы, что этот человек способен на такие нежные и осторожные прикосновения. Хейден явно боялся сделать мне больно, поэтому не столько мыл, сколько промокал мне кожу тряпкой. Но ему действительно удавалось умывать меня, не причиняя боли.

Я не могла отвести от него глаз, пока он это делал. Вот он в последний раз провел тряпкой по моему лбу и отстранился, оценивая результаты. Судя по всему, остался доволен, поскольку тряпка шлепнулась в таз, а он снова взглянул мне в глаза.

– Прекрасно, – лаконично произнес он.

– Спасибо, Хейден, – прошептала я.

Сама не знаю, почему я не могла говорить громко. Должно быть, от напряжения, окружавшего нас, у меня сдавило горло.

– Рад был помочь. А теперь пора укладываться.

Он легонько погладил меня под подбородком, повернулся и пошел в нашу комнату. Я отправилась следом. Хейден зажег свечу и поставил ее на столик у кровати. Я была готова камнем упасть в постель, такую уютную и зовущую. Но Хейден меня задержал.

– Погоди… – он повернулся к комоду, достал рубашку и бросил мне. – Переоденься. Та, что на тебе, вся в крови.

Оглядев себя, я поняла, что он прав. Я как-то забыла, что в больнице Хейден отдал мне свою футболку с запекшимися пятнами крови. Кровь принадлежала Зверям, с которыми он сражался.

– М-да, – пробормотала я, подтащив к себе чистую рубашку.

Но вначале требовалось снять футболку. Едва я взялась за кромку, меня прошило болью. Руки сами опустились, и я скривилась. Такое от Хейдена не скроешь.

– Давай помогу, – сказал он.

Через мгновение Хейден очутился рядом, предотвращая мои новые попытки. Я судорожно выдохнула, стараясь хоть как-то унять боль, и нехотя кивнула.

Хейден осторожно взялся за кромку футболки и так же осторожно, не торопясь потянул вверх, обнажая мне живот и прикрытую лифчиком грудь. Он высвободил мне руку с неповрежденной стороны, после чего полностью стащил с меня футболку.

И вновь я оказалась перед ним в одних шортах. Мои ощущения смешались; уязвимость соседствовала с другим, очень приятным чувством. Хейден перевел взгляд на мой поврежденный бок и болезненно поморщился, увидев пурпурный кровоподтек. Это «украшение» занимало весь бок; повязка, наложенная на рану, прикрывала лишь малую часть.

– Черт побери, Грейс… – хмуро произнес он.

Хейден присел на корточки. Его лицо теперь было на одном уровне с раной. Его пальцы едва касались поврежденной кожи, но не так, как пальцы Докка. Тот действовал целенаправленно, как врач. Пальцы Хейдена несли успокоение и исцеление. Огрубелые подушечки чуть притрагивались к кровоподтеку. Мне не было больно, но по спине полз холодок. Затем Хейден наклонился еще ниже.

У меня перехватило дыхание. Хейден осторожно поцеловал мою рану. За одним поцелуем последовал второй, третий. Снова и снова он целовал мне вспухшую кожу, пока не покрыл поцелуями почти все место кровоподтека. Мое сердце было готово выпрыгнуть наружу. Поцеловав меня в последний раз, Хейден встал и выпрямился.

– Ложись отдыхать, Грейс, – тихо сказал он. – Я очень хочу, чтобы ты скорее поправилась.

Нежные слова и такие же нежные прикосновения были столь непривычны, что это почти убаюкало меня. Я лишь сумела вяло кивнуть. Хейден принялся меня одевать. Вначале продел в рукав руку с поврежденной стороны, затем другую. Я не заметила, как мягкая ткань окутала меня всю.

– Отдыхай, – повторил Хейден, кивнув на кровать.

– Слушаюсь, – вяло улыбнулась я.

Мне казалось, что мы уж слишком серьезно отнеслись к случившемуся. Я совсем не хотела добавлять Хейдену забот. Я же видела, как на него подействовала моя рана, и даже почувствовала себя виноватой, что испортила ему настроение.

Кровать чуть скрипнула и прогнулась под моей тяжестью. Я заползла на свою сторону и накрылась одеялом. Легла я, естественно, на здоровый бок, чтобы не давить на сломанное ребро. Я терпеливо ждала, пока Хейден тоже ляжет, но, к моему удивлению, он достал из комода другую рубашку и торопливо натянул. Я и глазом моргнуть не успела.

– Что ты делаешь? – в замешательстве спросила я.

– Мне нужно проверить дежурных на башне, – пояснил он, отбрасывая волосы со лба.

– Тогда я…

Я уже собралась встать, но Хейден покачал головой.

– Ты никуда не пойдешь, – торопливо заявил он. – Тебе надо отдохнуть, и это не обсуждается. Я долго не задержусь, а тебе незачем со сломанным ребром лезть на башню.

– Помнится, ты заставил меня туда подниматься с огнестрельным ранением, – возразила я.

Это было сказано в шутку, однако Хейдену сейчас было не до шуток. Он наградил меня очередным хмурым взглядом.

– Та ситуация была другой, – отрезал он, не вдаваясь в объяснения. – Мне нужно идти. Но прошу тебя… не исчезни.

Хейден с легким прищуром смотрел на меня. Чувствовалось, он про себя решает, способна ли я предать его доверие. Даже после всех передряг, через какие мы оба прошли, он не очень-то был готов оставить меня в хижине одну. Я подперла щеку кулаком, облокотившись на постель. Мне жутко захотелось выпучить на Хейдена глаза, но я удержалась.

– Хейден, я никуда не сбегу.

Он продолжал смотреть на меня и хмуриться, покусывая нижнюю губу. Потом решительно кивнул:

– Договорились.

Хейден пошел к двери, но тут же остановился, словно передумав. Повернулся ко мне, замер, открыл рот, однако ничего не сказал и снова закрыл. Я с изумленной улыбкой следила за битвой, происходящей у него в душе. Не знаю почему, но мне были очень дороги эти редкие мгновения его растерянности. Хейден тяжело вздохнул, тряхнул головой и шагнул ко мне. Нежно сжав в ладонях мое лицо, он прильнул губами к моим, отчего у меня застучал пульс. Я закрыла глаза. Не убирая ладоней, Хейден нежно меня поцеловал.

– Я быстро вернусь, – тихо сказал он. – Отдыхай, Медведица.

Большие пальцы Хейдена еще раз скользнули по моим щекам. Я не успела произнести ни слова. Дыхание и то перевести не успела. Хейден быстро вышел из хижины, оставив меня одну в своей постели.

Хейден

Неожиданный всплеск адреналина так и гонял кровь по моим венам. От спонтанно возникшего желания поцеловать Грейс перед уходом мой пульс бешено стучал в висках. Я чувствовал себя абсолютным идиотом, злясь на свою нерешительность. Но не скажу, чтобы я жалел об этом поцелуе. Всякий раз,

когда ее губы касались моих, в сердце начинался салют.

Меньше всего мне сейчас хотелось тащиться на башню и проверять дежурных, однако ранение Грейс не освобождало меня от обязанностей. Конечно, я предпочел бы лежать сейчас с нею рядом, обнимать и успокаивать, но позволить себе такое я не мог. По крайней мере, сейчас.

Я резко тряхнул головой, прогоняя подобные мысли, и стал торопливо подниматься по башенной лестнице. Хотелось поскорее закончить проверку. А мысли продолжали лезть, совершенно дурацкие и несвоевременные. Одно дело перестать юлить перед собой и наконец признаться, что у меня есть чувства к Грейс, и совсем другое – желание все бросить, чтобы подольше быть с нею. Именно этого я и боялся, когда чувства только-только просыпались, но я твердо решил не пренебрегать своими обязанностями. Если я перестал сопротивляться влечению, это не означало, что нужно полностью выпадать из реальности.

В окна башни глядела темнота, озаренная только луной. В притихшем Блэкуинге кое-где светились неяркие точки керосиновых ламп. Чем выше, тем ощутимее становился ветер. Сегодня он не был сильным и приятно ерошил мне волосы. Наконец я выбрался наверх и увидел Дакса, несущего дежурство. Он стоял ко мне спиной, вглядываясь во тьму.

– Эй! – окликнул я.

Дакс вздрогнул и стремительно повернулся, глядя на меня во все глаза и зачем-то хватаясь за грудь.

– Ну и напугал же ты меня, – признался он, шумно выдохнув.

Я усмехнулся. Дакса давно уже ничего не способно было напугать.

– Сожалею, что так получилось.

– Не выдумывай. Тебе ни капельки меня не жаль, – шутливо проворчал он. – А если бы я неудачно подпрыгнул? Мог бы свалиться с башни и разбиться насмерть. Вот тогда тебе было бы жаль.

– По-моему, ты малость переигрываешь, – сказал я, продолжая усмехаться.

– Посмотрим, как ты запоешь, когда меня не станет.

– Ладно, принцесса. Лучше скажи, как дежурство? Без неожиданностей?

Мне не терпелось вернуться к Грейс, однако я не хотел этого показывать.

– Похоже, сегодня гостей у нас не будет. Как состояние Грейс? Сломанные ребра не шутка, – сказал Дакс, внимательно наблюдая за моей реакцией.

– Держится молодцом. Конечно, ей досталось, но Докк сказал, что сломано всего одно ребро. Думаю, она быстро поправится.

Дакс задумчиво кивнул. Он еще посмотрел по сторонам, затем повернулся ко мне:

– Слушай… когда ты перестанешь мне врать и честно скажешь, есть у вас отношения или нет?

Он плотно сжал губы и скептически выгнул брови, словно подзадоривая меня сказать, что у нас с нею нет никаких отношений. Я вздохнул, ущипнул кожу на лбу и запустил руку в волосы.

– Сам не знаю, – честно ответил я.

Грейс была мне симпатичнее других девчонок. Мне нравилось находиться рядом с ней. Но как это назвать? Между нами, вроде бы сами собой, завязались псевдоотношения, а как ими управлять, я понятия не имел.

– Но ты к ней неровно дышишь! – сказал Дакс, явно довольный собой. – Ха-ха, я так и знал.

– Заткнись, – потребовал я, сердито взглянув на него.

– Дружище, я говорю очевидные вещи, – пожал плечами он. – По вам обоим это видно.

– Ничего по нам не видно, – сухо возразил я.

– Ты у меня на глазах ее целовал, – напомнил Дакс.

Меня начинал бесить его довольный тон. Ишь, секрет раскрыл.

– Тогда мог бы не идиотничать, а сам понять, что к чему.

Дакс пожал плечами и улыбнулся во весь рот:

– А мне это нравится. Я думаю, Грейс тебе подходит. Может, теперь ты научишься полегче смотреть на жизнь.

– Это ничего не меняет, – резко ответил я. – Я по-прежнему должен заниматься тем же, чем занимался раньше.

– Знаю, можешь не повторять. Я всего лишь хочу сказать, что рад за тебя. Ты заслуживаешь счастья… хотя бы иногда. Даже если настаиваешь, что твоя жизнь должна быть мрачной и беспросветной.

Я покачал головой и снова усмехнулся, довольный тем, что Дакс высказал все это вслух.

– Только… никому не рассказывай. Договорились? Я не знаю, как наши к этому отнесутся. Формально она по-прежнему считается пленницей.

– Разумеется, языком трепать не стану.

– Вот и спасибо.

Я уже собирался проститься и уйти, как вдруг заметил в темноте вспышку. Секундную, словно кто-то чиркнул спичкой и тут же ее загасил, но я успел заметить. Улыбка тут же сползла с моего лица. Я продолжал вглядываться в

темноту. Дакс сразу отметил перемену.

– Что ты увидел? – спросил он.

– Короткую вспышку света. – я указал направление.

От места вспышки до нас было не очень далеко. У меня сдавило сердце. В том направлении находился Грейстоун.

Дакс потянулся к стоящей возле перил винтовке и посмотрел в оптический прицел.

– Ничего не вижу. Темень непроглядная. Ты уверен, что тебе не показалось?

– Уверен, – на полном серьезе ответил я.

Да, я видел вспышку, и то направление, где она мелькнула, было важнее всего. Похоже, скоро у нас появятся незваные гости из Грейстоуна – родного лагеря Грейс.

Глава 3. Бедлам

Хейден

В ушах свистел ветер, теребя мне волосы и мешая вести наблюдение. Я по-прежнему смотрел в темноту. Ошибки быть не могло: я действительно видел вспышку, причем сравнительно недалеко от нашего лагеря. Точнее, слишком близко от нас, чтобы благодушествовать. Мое сердце взбудораженно стучало, а я перебирал варианты дальнейшего развития событий. Возможно, Грейстоун затеял новый налет. Ситуация усугублялась тем, что Грейс сейчас была в одиночестве. Поврежденное ребро не помешает ей сбежать. Это лишь усиливало мое беспокойство. Оставалось надеяться, что мои подозрения не оправдаются.

– Дакс, надо спускаться, – бросил я другу, продолжая осмотр. Темнота не позволяла что-либо разглядеть, а неопределенность здорово нервировала. – Впотьмах от нас на башне никакого толку.

– Спустимся. Только пушку возьми, – отозвался Дакс, подавая мне пистолет с полным запасным магазином.

Я сунул оружие в карман и помчался вниз по ступенькам. Дакс бежал следом, говоря в портативную рацию, которую обычно мы держали на верхней площадке башни:

– К лагерю приближаются налетчики. Всем находиться дома и запереть двери. Погасить свет и сидеть тихо. Повторяю: к лагерю приближаются налетчики…

Это было стандартное оповещение, если у нас хватало времени предупредить обитателей лагеря. Но оно звучало редко. Мы либо разбирались с незваными гостями еще на подходе к лагерю, либо они застигали нас врасплох, и тогда уже было не до оповещений.

Такие рации имелись во всем лагере: в каждом общественном месте и каждой третьей хижине. Имевшие радио должны были оповещать ближайших соседей. Радиосвязь применялась только в крайних случаях, поскольку батареи быстро садились, а доставать новые становилось все труднее. Я очень надеялся, что рация в моем доме была включена и Грейс, услышав предупреждение, спрячется. Думаю, ей хватит ума не высовывать носа и не выяснять, кто возглавляет налет. Одно было ясно: кто-то из ее лагеря.

Лестница казалась бесконечной, и мы не бежали, а летели вниз. Я перескакивал через две ступеньки, торопясь спуститься раньше, чем налетчики достигнут лагеря. Их хитрость меня настораживала. Им было очень важно ничем себя не обнаружить и не попасться нам. Сколько их? Зачем пожаловали? Об этом я мог только гадать, но в голове появилась и прочно засела одна противная мысль. Я всячески гнал ее, пытаясь обдумывать стратегию защиты Блэкуинга. Однако мысль не желала уходить.

Они пришли из-за Грейс.

Вопреки всем усилиям, мозг отказывался думать о чем-то другом. Вспомнилось, как однажды ночью мне почудилось, будто я видел кого-то, прячущегося среди деревьев, неподалеку от моей хижины. Тогда я тщательно все осмотрел, но никого не обнаружил. Может, я что-то упустил? А если кто-то видел Грейс у нас?

Такое вполне могло случиться и почти наверняка случилось. С этой мыслью я выскочил из башни. Присутствие Грейс в нашем лагере ставило под удар жизнь каждого из моих подопечных, и потенциальные страхи грозили превратиться в реальные. Я находился в самом скверном положении, разрываясь между необходимостью защитить лагерь и эгоистическим желанием спрятать Грейс.

Дакс продолжал что-то говорить в рацию. Это помогало мне сосредоточиться на деле. Мы бежали по полянке, окружавшей башню. Бег доставлял мне удовольствие: приятна была боль в ногах от напряжения одних мышц и расслабления других. Дыхание выровнялось. Вдох-выдох, вдох-выдох. Пробежка была недолгой. Я вжался спиной в стену какой-то хижины. Следом подбежал Дакс.

– Мы с Хейденом находимся возле башни, – сказал Дакс. – Выделите людей для патрулирования.

Он понизил голос, затем поднес рацию к уху, слушая ответ, но я ничего не разобрал. Экономя батареи, Дакс прикрутил громкость.

– Скажи им, чтобы действовали скрытно, – прошептал я. – Так нам будет легче ликвидировать налетчиков, чем при открытой перестрелке.

Дакс кивнул и передал мои слова. Скорее всего, он сейчас разговаривал с Китом, а может, и с Барроу. В любом случае защитники Блэкуинга подготовятся за считаные минуты. Я гордился этими людьми и тем, что возглавлю их.

Я гордился и своими подопечными. Лагерь опустел. На дорожках и в проходах – ни души. Вокруг – кромешная тьма. Лампы погасили раньше, чем мы с Даксом спустились вниз. Обитатели лагеря реагировали мгновенно, принимая меры предосторожности и доверяя тем, кому они вручили заботу о своей безопасности.

– Их будет непросто обнаружить, – прошептал Дакс.

Пистолет он держал наготове, озираясь вокруг в попытке заметить малейшее движение.

– Знаю, – проворчал я.

Темнота была препятствием для обеих сторон, но мы обладали преимуществом. Мы с Даксом знали каждый дюйм лагеря, чего не скажешь о налетчиках. Зато нам было неизвестно, в какой части лагеря они появятся. Мы не знали, сколько их и что им понадобилось. Но наши преимущества перевешивали помехи. Мы сумеем защитить Блэкуинг. В этом я не сомневался.

Глаза быстро переместились туда, где я заметил движение. Мимолетное, словно в темноте что-то мелькнуло. Тень, которую я тут же потерял, но я ее видел. Что-то двигалось между двумя хижинами примерно в ста ярдах от меня.

– Там, – шепнул я, кивком указывая направление. – Кто-то есть.

Сами мы прятались в тени и продолжали наблюдать, но больше не засекли никаких движений.

– Давай возьмем их в кольцо. Ты пойдешь влево, а я – вправо, – распорядился я, одновременно проверяя и подготавливая свой пистолет.

– Договорились, – шепнул Дакс.

Я едва уловил его кивок. Мой друг растворился в темноте. Стараясь сам не вылезать из теней, я двинулся вперед, не сводя глаз с места, где заподозрил движение.

Добравшись до очередной хижины, я вжался в стену и замер, ожидая новых признаков чужого присутствия. Вскоре я почти добрался до тех двух хижин, где заметил мелькнувшую тень. Дакса я тоже не видел, но знал: он сейчас где-то рядом, только с другой стороны.

Навострив уши, я вслушивался в темноту, однако слышал лишь шелест ветвей, раскачиваемых ветром. Потом медленно, с осторожностью, шагнул от хижины в черный проем между нею и соседним домишком. Пистолет был нацелен в

темноту.

Я сразу же заметил новое движение. Палец застыл на курке. С другой стороны прохода стоял Дакс. Его пистолет точно так же был наведен на меня. Я мгновенно опустил руку и досадливо выдохнул.

– Сукин сын, – пробормотал я, злясь, что вместо налетчиков увидел Дакса.

Это его шевеления я и заметил.

– Черт, – выругался мой лучший друг.

По выпученным глазам Дакса можно было подумать, что перед ним пронеслась вся его жизнь. Он выдохнул и тяжело понурил плечи.

– Спасибо, что не застрелил меня.

– Взаимно, – буркнул я.

Я подошел к краю прохода и опять стал вглядываться, пытаясь засечь новые признаки вражеского присутствия.

– Вот что, давай снова разделимся и двинем к главным постройкам.

– Как ты думаешь, что? им понадобилось?

– Сам хотел бы знать.

Произнося эту фразу, я чувствовал, что вру Даксу и себе, хотя никаких доказательств у меня не было. Цели налета я до сих пор не знал.

– Ты пойдешь влево. Старайся не высовываться. Понадобится помощь – подавай сигнал.

– Так точно, сэр, – кивнул Дакс.

Язвительно улыбнувшись, Дакс снова растворился в темноте. Я терпеть не мог, когда меня называли сэром, и он это знал лучше, чем кто-либо. Надо же, он еще способен шутить, когда того и гляди мы нарвемся на налетчиков.

Оглянувшись напоследок, я выбрался из укрытия и поспешил к центру лагеря. Интуиция требовала бежать не туда, а домой – проверять, не случилось ли чего с Грейс. Плевать я хотел на интуицию. Безопасность тех, за кого я отвечал, стояла на первом месте.

Бег прилично разогрел мне все мышцы. Когда я добрался до громадной мусорной бочки и спрятался за нею, напряжение сменилось довольно приятным возбуждением. И тут, с другой стороны дорожки, я заметил два силуэта. Кто они? Наши? Или чужаки? Сомнение не давало мне открыть огонь.

Я припал к земле и пополз вслед за ними. Вроде они не догадывались о слежке. Нас разделяло футов тридцать. Теперь я отчетливо видел их тени, двигавшиеся в проходах между хижинами. Ни в одну эти двое не вошли. Чувствовалось, они брели наугад. Сомнений почти не оставалось: вот они, грейстоунские налетчики. Меня удивило, что они явились к нам без рюкзаков. Только с пистолетами.

Я следовал за ними, стараясь дышать бесшумно. Удивительно: слева и справа от налетчиков были наши складские постройки, а они и не собирались ничего оттуда воровать. Это проясняло цель их визита. У меня кровь заледенела. Я прятался за грудой ящиков возле склада и понимал: мои худшие опасения подтвердились.

Я с ужасом смотрел, как они подходили к окнам и заглядывали внутрь. Прежде мне не встречались налетчики, которые бы пялились в окна. Обычно их волновало, как бы спереть необходимое и дать деру.

Эти вели себя по-другому. Их не интересовали наши припасы. Им была нужна Грейс. С каждой секундой их пребывания в Блэкуинге мой страх усиливался.

У меня свело живот. Налетчики находились на расстоянии пяти хижин от моей, где, как я очень надеялся, Грейс надежно спряталась. Немного утешала лишь полная темнота в окне. Но моя хижина была больше соседних, что могло послужить подсказкой. Нужно опередить незваных гостей и добраться туда раньше их.

Они переместились от первой хижины ко второй. Мой пистолет оставался нацеленным на них, однако я не решался стрелять. Выстрел сразу бы меня выдал. Что еще хуже – еще больше привлек бы нежелательное внимание к моей хижине. Самым разумным было поскорее попасть домой, спрятать Грейс и, если понадобится, защитить ее. Главное, они не пытались лезть в наши дома. Мои подопечные находились в сравнительной безопасности.

Нужно было чем-то отвлечь налетчиков. Я огляделся по сторонам и обрадовался, увидев камень на земле рядом с ящиками. Я зажал камень в кулаке, еще раз взглянул на налетчиков и, когда убедился, что они меня не видят, встал во весь рост.

Видя спины налетчиков, я размахнулся и швырнул камень в противоположном направлении. Он громко ударился о какую-то железку. Я снова припал к земле, затаившись позади ящиков. Один налетчик подтолкнул второго и указал в темноту. Второй кивнул, и оба направились туда, куда улетел камень.

Довольный успехом, я подождал, пока налетчики скроются между хижинами, затем опрометью бросился домой. Ноги бесшумно несли меня по дернистой дорожке. Я сознавал: моя уловка отвлечет их всего на несколько минут. Налетчики обнаружат, что их одурачили, и вернутся на прежнее место. Я не хотел потерять ни секунды.

Вскоре я уже был у двери своей хижины. Быстро оглянувшись по сторонам, открыл дверь, проскользнул внутрь и сразу же ее закрыл. Спина уперлась в филенку двери, и тут же к моему горлу прижалось что-то острое. Что именно – впотьмах было не видно, но я безошибочно понял: это кромка лезвия.

Адреналин, который и так меня переполнял, мгновенно зашкалил. Кто же сумел пролезть внутрь? И где Грейс?

– Хейден?

Я мигом узнал ее голос и облегченно привалился к двери.

– Грейс, – прошептал я, втягивая воздух.

Она убрала нож от моего горла. Было так темно, что я не видел даже ее силуэта.

– Прости, – шепнула она. – Приняла тебя за налетчика.

Я сразу уловил напряжение в ее голосе и представил, какую боль она испытывала, слезая с кровати.

– И ты была готова убить любого, кто войдет?

На мгновение я забыл о налетчиках, удивляясь и восхищаясь ее решимостью.

– Да, – коротко ответила Грейс.

Даже в темноте я увидел, как она передернула плечами. Шаги снаружи вернули меня в реальность. Налетчики находились рядом с соседней хижиной. Там жил Дакс. Как я и предполагал, они вернулись.

– Дело дрянь, прятаться надо, – сказал я, протянув руку на ее голос.

Резкое шипение подсказало, что я случайно задел больное ребро. Наконец я нашел ее руку и крепко сжал.

– Прости.

– Ничего.

Грейс не противилась, когда я потащил ее в ванную. Я свободно ориентировался в темноте – сказывались годы жизни в этой хижине. В одной комнате не больно-то спрячешься. Ноги сами несли меня в ванную. По крайней мере, там я сумею укрыть Грейс и в случае чего отбиться от налетчиков.

Я едва успел открыть дверь ванной, втолкнуть Грейс и войти сам, как услышал приглушенные голоса налетчиков. Они были уже возле входной двери. Я бесшумно закрыл дверь. Не выпуская руку Грейс, увел ее в дальний угол, прижал к стене, а сам встал между нею и дверью.

– Что бы ни случилось, ты останешься здесь, – совсем тихо прошептал я. – Слышишь?

– Но, Хейден…

– Никаких «но». Оставайся здесь и замри.

Ответить Грейс не успела. Налетчики открыли входную дверь. Я некрепко сжал руку Грейс, проведя большим пальцем по коже. Затем повернулся. Пистолет был наведен на дверь ванной, готовый выстрелить в каждого, кто сюда сунется. Ставки были выше, чем когда-либо.

Сапоги налетчиков тяжело топали по половицам. Они двигались по комнате, постоянно за что-то задевая и чем-то шелестя. Я сжался в комок, когда что-то упало рядом с дверью. Еще немного, и налетчики попытаются ее открыть.

– Ты уверен, что видел ее? – спросил негромкий голос.

Даже в столь напряженной ситуации этот человек говорил ровно и спокойно.

– Уверен на все сто, – ответил другой голос, напряженный и обозленный. – Она была здесь.

Грейс хватило выдержки не вскрикнуть. У меня заколотилось сердце. Грейс догадалась: налетчики искали ее. Значит, тогда мне не почудилось и за деревьями действительно кто-то прятался, но сумел скрыться раньше, чем я туда подошел.

– А в какой хижине, помнишь? – спросил первый голос.

Этот человек пытался сохранять спокойствие.

– Знаю только, что в какой-то из этих, – ответил второй, как бы оправдываясь. – Нам ведь неизвестно, где они ее держат.

Я почувствовал, как Грейс сделала шаг вперед, но остановилась. Ее рука коснулась моей спины. Пальцы сжались в кулак. Лбом она уткнулась мне в

лопатку. Я практически слышал звуки ее внутренней борьбы и ничуть ее не винил.

Всего в нескольких футах находились двое из ее родного лагеря. Они явились сюда, рассчитывая ее найти. Я же заставлял ее прятаться в ванной. Представляю, что? сейчас чувствовала Грейс! Ее разрывали противоположные порывы. Я с ужасом представил: сейчас она выдаст свое присутствие и уйдет от меня.

– Мне вообще не верится, что она может так долго здесь находиться. Я знаю Грейс, – скептически произнес первый голос. – Она бы давным-давно сбежала из их лагеря.

Страх кинжалом кольнул мне в сердце. Налетчик произнес ее имя. Дыхание Грейс согревало мне спину. Она еще плотнее прижалась ко мне, словно к барьеру.

– Говорю тебе, это была она. И с нею их главный.

Шаги налетчиков стихли. Похоже, люди из Грейстоуна перестали шарить вслепую и решили обсудить ситуацию. Мои глаза привыкли к темноте. Лучика лунного света, проникавшего сквозь крышу, вполне хватало, чтобы увидеть все вокруг.

Кулак Грейс слегка стукнул меня по спине. Потом она убрала руку. Мое сердце всколыхнулось, обеспокоенное этим молчаливым жестом, а главное – его смыслом. Я опустил пистолет и рискнул обернуться. Грейс сразу же отпрянула. Ее брови были сведены, зубы стиснуты. Блеск ее глаз был виден даже в почти полной темноте. Я всматривался в них, безуспешно пытаясь прочесть ее мысли. Меж тем налетчики возобновили разговор.

– Их главного зовут Хейден, – сказал более спокойный голос. – Откуда ты знаешь, что это был он?

Услышанное мне очень не понравилось. Налетчики знали, как я выгляжу. Анонимность в нашем мире весьма ценилась.

– Знаю, раз говорю, – прорычал второй голос. – Поверить не могу, что Грейс так глупо попалась.

– Ее бы не захватили, если бы ты тогда не бросил ее.

Слушая эти слова, я невольно дернул головой. Они очень напоминали мои собственные, которые Грейс услышала от меня в первый день. Сейчас она слушала, не выказывая ни малейшего удивления. Она сразу узнала этот голос.

Налетчики, явившиеся сюда, не были людьми случайными. Голос того, кто сердито оправдывался, принадлежал не кому-нибудь, а ее брату Джоуне.

Я знал, что в душе у Грейс идет молчаливая борьба. Она поняла, что я догадался насчет ее брата. Грейс находилась всего в нескольких дюймах от меня, но мне вдруг показалось: она вот-вот ускользнет из моей жизни. Ее дыхание стало чуть громче. Положение, в каком она оказалась, требовало принять решение. Грейс пыталась смотреть на меня, но чувствовалось, ей хочется отвести взгляд.

– Сколько можно? – огрызнулся Джоуна. Судя по тону, эти слова он слышал далеко не в первый раз. – Можешь мне не верить, но я не меньше твоего хочу, чтобы она вернулась.

Первый голос произнес что-то неразборчивое, зато Грейс все поняла и изменилась в лице. Она зажмурила глаза, раздула ноздри и сделала глубокий вдох, словно хотела успокоиться. Не могу даже вообразить, какие чувства ее захлестнули. Находиться совсем рядом с членом твоей семьи и не сметь шагнуть к нему. Какую душевную муку она сейчас испытывала! А как бы я действовал на ее месте?

У меня не осталось родных, но, если бы был хоть кто-то, я бы не раздумывая бросился к ним. То, что Грейс по-прежнему стояла рядом со мной и вела внутренний спор о том, как ей поступить, говорило очень о многом. Я почувствовал себя виноватым, поскольку только из-за меня Грейс не предпринимала никаких действий. Она сознавала: стоит ей откликнуться, налетчики обнаружат и меня, а чем это кончится, никто не знал.

Грейс явно заботилась обо мне, отчего ее разрывало между мною и братом.

Зная, каково ей сейчас, я все равно хотел, чтобы она осталась. Очень хотел.

Все это время Грейс смотрела на меня и прекрасно видела мои реакции. Она чуть наклонилась, будто хотела выскочить из ванной. Но ее кулаки оставались плотно прижатыми к бокам, словно она удерживала сама себя. Я медленно качал головой, умоляя ее не двигаться.

Грейс бесшумно вздохнула. У нее дрогнул подбородок. Видимо, она старалась совладать с эмоциями. Я не знал, какой выбор она сделает, но молил всех богов, чтобы она осталась. Левой рукой я коснулся ее щеки. Пальцы погладили кожу и поднялись к ее волосам. От моего прикосновения она чуть обмякла. Решимость ее тоже несколько ослабла. Грейс закрыла глаза.

– Я всего лишь хочу, чтобы моя маленькая девочка вернулась.

От этих слов Грейс еще крепче зажмурилась. Конечно же, она сразу узнала оба голоса. Для меня части головоломки только сейчас легли в нужные места. Вместе с ее братом сюда пришел Селт – ее отец и лидер Грейстоуна.

Все надежды, какие я питал, рухнули в одно мгновение. Если ей приходится делать выбор, то с ее придурком-братом я еще мог соперничать. Но с отцом, о котором она всегда говорила с таким восторгом и по которому наверняка очень скучала? Здесь у меня не было никаких шансов. Непонятно, почему она так долго ждала.

Когда она снова открыла глаза, ее зрачки расширились настолько, что почти поглотили зеленые ободки. Ее губы разомкнулись и снова сомкнулись, будто она хотела что-то сказать. Грейс смотрела на меня. Моя рука оставалась на ее щеке – единственная молчаливая просьба остаться. Воздух между нами едва не трещал от напряжения. Мы находились в странном мире, где время остановилось. Я никак не мог выдохнуть. Такого беспокойства я не испытывал очень давно.

Грейс по-прежнему считалась моей пленницей, но я не мог отрицать: теперь она значила для меня гораздо больше. Никогда и ни к кому я не испытывал таких чувств, как к ней. Никогда еще мне так отчаянно не хотелось заботиться о чьем-то благополучии. Честное слово, мне было совестно считать ее пленницей. Если она захочет уйти, я не смогу удержать ее силой. Да, если Грейс решит уйти, я ее

отпущу, хотя ее уход разорвет мне сердце.

– Знаю, – отозвался на отцовские слова Джоуна. Его голос стал менее сердитым, будто искренние слова Селта проникли ему в душу. – Уходим отсюда. Мы ее разыщем.

– Хорошая идея, – спокойно ответил сыну Селт.

Открылась входная дверь. Они ушли. Пока они находились в хижине, Грейс решала, остаться ли со мной или выбежать навстречу единственным родным людям, какие остались у нее в этом мире.

Моя рука, казалось, примерзла к ее щеке. Большой палец замер, ожидая решения Грейс. Я затаил дыхание. Ее взгляд пронизывал меня с головы до пят. Выражение лица у Грейс было, прямо скажем, страдальческое. Брови хмурились над красивыми зелеными глазами. Эмоции струились из нас обоих, сталкиваясь и смешиваясь вокруг.

Мы молчали, ведя разговор на уровне мыслей и непроизнесенных слов. Он был захватывающим и одновременно душераздирающим. Я прекрасно знал, что? сказать и о чем ее попросить, однако произнести это вслух не мог. Пусть решает сама, а мое хрупкое сердце будет ждать, готовое разлететься на куски от одного слова.

Останься. Грейс, останься. Пожалуйста.

Глава 4. Заявление

Грейс

Казалось, наше гнетущее молчание растянется на целую вечность. Правильнее сказать, наш молчаливый разговор. Я ощущала тяжесть непроизнесенных слов. Они заполняли пространство и оседали у меня на коже. В этот момент решалось мое будущее. Хейден не делал попыток меня удержать – ничем, кроме

молчаливой мольбы в глазах. Я ощущала его напряженность, видела отчаяние, сквозившее в его взгляде, хотя он и пытался это скрыть. Слышала, как громко стучит его сердце в ожидании моего решения.

А может, это стучало мое сердце.

Я слышала тяжелые шаги отца и брата. С каждым шагом они были ближе к выходу и дальше от меня. Я никак не ожидала, что сегодня услышу знакомые голоса. И чьи! Отца и брата. Единственных моих родных.

Пока в тишине хижины не прозвучало оповещение от Дакса, я и не подозревала, что в лагере есть рации. Моим первым порывом было не спрятаться, а найти Хейдена. Удивляясь себе, я соскочила с кровати, чтобы поискать оружие. Ребра тут же отозвались волной боли. Я не знала, где искать, и искала везде. На полу валялись джинсы Хейдена. В кармане я нашла нож. Я уже собиралась выбраться наружу и побежать искать Хейдена, как вдруг услышала в темноте громкий металлический лязг. К хижине приближалась тень. Определить, чья она, было невозможно. Только когда Хейден вбежал внутрь и мой нож оказался возле его горла, я поняла, кто это.

Мы успели привыкнуть к темноте, поэтому сейчас я видела глаза Хейдена. Ощущения были такие, словно меня тащили в противоположные стороны. Мне безумно хотелось выскочить из ванной и оказаться рядом с родными, но так же сильно хотелось остаться с Хейденом. Жизнь поступала со мной нечестно, вынуждая принимать столь трудное решение. Я была истерзана до крайности, и это тоже мне не нравилось.

Внешне решение было простым: родственные узы должны победить в выборе между семьей и тем, кто формально продолжал считаться моим врагом. Но тяжелые удары сердца и пульс, стучащий в висках, свидетельствовали об обратном. Рука Хейдена оставалась на моей щеке. Тепло его пальцев проникало мне в кожу. А в это время распахнулась и хлопнула входная дверь.

– Грейс, – едва слышно прошептал Хейден.

Его голос сочился эмоциями. Все свои просьбы Хейден ухитрился втиснуть в одно-единственное слово: мое имя.

У меня слов не было. Только ощущения. Я чувствовала груз решения, ощущала стучащее сердце и тепло, что исходило от Хейдена. Сейчас я понимала лишь одно: благодаря Хейдену я чувствовала себя живой, счастливой, уважаемой.

Любимой.

Хлопок двери помог мне очнуться. Тело в своем решении опередило ум. Мои ладони обхватили подбородок Хейдена. Я притянула его к себе. Его губы прикоснулись к моим, отчего сердце устроило дикий танец. Хейден не убирал руку с моей щеки. Другой он обнял меня за талию, крепко прижал к себе и поцеловал. Этот поцелуй вобрал в себя все эмоции, захлестывавшие нас, пока длилось молчание.

Я почти физически чувствовала, как наш поцелуй снимает с Хейдена напряжение. Никто из нас не шевельнулся. Казалось, мы всё еще находимся под впечатлением случившегося. Я плотно закрыла глаза. Хейден был повсюду: его губы слились с моими, рукой он обвил мою талию, прижав к себе. Хейден заполнял собой воздух, гася все мои мысли об уходе, какими бы бессвязными и алогичными они ни были. Меня не волновало, что отец и брат по-прежнему где-то неподалеку и в любой момент могут вернуться. Сейчас меня волновал только Хейден.

Поцелуй Хейдена не становился крепче. Мои руки сами собой потянулись к его шее. Сломанное ребро напомнило о себе болевым ударом, но я не обратила внимания. Эта боль меркла в сравнении с фейерверком, сверкавшим в каждой клетке моего тела. Происходящее было неразумным, спонтанным, совершенно импульсивным, но в тот момент я не испытывала ни малейшего сожаления. Хейден без всяких слов понял: я выбрала его.

Потом он отстранился и глубоко вдохнул. От сознания важности принятого решения меня била дрожь, но не менее важно было то волнение, которое охватывало меня при каждом поцелуе Хейдена. Любое его прикосновение вызывало жажду новых, и потребность в них нарастала день ото дня, становясь неутолимой. Меня мгновенно воспламеняло даже легкое прикосновение его ладони к моей щеке. Я сознавала: это нечто ненормальное.

Но как я могла уйти, если Хейден дарил мне такие ощущения?

Он прижался лбом к моему лбу. Его зеленые глаза сверкали. Электрический ток, текущий между нами, мешал мне дышать. Как странно: мы прятались в темноте его ванной, а моя родня разгуливала по Блэкуингу. Но в тот момент весь мир куда-то отодвинулся, оставив нас наедине друг с другом и нашими бешено стучащими сердцами.

Увы, эта безмятежность длилась недолго. Снаружи громко хлопнул выстрел. Эхо разнеслось по всему лагерю. Хейден резко выпрямился. Спокойствия как не бывало. На его лице вновь появилась хорошо знакомая мне сосредоточенность.

Хейден вполголоса выругался. Чувствовалось, он оценивает ситуацию и пытается понять, что к чему. Меня охватила паника. Выстрел мог означать гибель кого-то из тех, кого я знала. Я взглянула на дверь и невольно шагнула в ту сторону. Высвободилась из объятий Хейдена, готовая бежать, чтобы выяснить, что случилось.

– Нет. – Хейден осторожно взял меня за руку.

– Я должна узнать, что там произошло.

Недавние теплые чувства полностью исчезли, сменившись страхом и замешательством. Вдруг убили моего отца? Или брата? А если это они подстрелили Дакса или Кита? Судьба очень многих была мне не безразлична, причем из обоих лагерей. Я не хотела, чтобы кто-то пострадал.

– Я пойду, – торопливо объявил Хейден. Он оттащил меня от двери, развернув лицом к себе. – Не забывай про свое ребро. К тому же там небезопасно.

– Я не пытаюсь сбежать. Но я должна знать, что случилось.

Мой тон не был требовательным. Я просила. Даже умоляла. У меня и в мыслях не было сбежать. Кажется, я наглядно показала Хейдену, что выбрала остаться с ним. Но я должна была узнать, кто стрелял и чем это кончилось.

– Ты действительно не сбежишь?

Даже сейчас в голосе Хейдена звучала робкая надежда.

– Говорю тебе, нет.

Я чувствовала, как он рад моему решению остаться, и говорила мягко, без нажима. На губах Хейдена появилась робкая улыбка, отчего мое сердце чуть не выпрыгнуло.

– Хорошо, – только и сказал Хейден, не выпуская моей руки.

Грянул второй выстрел, снова возвращая нас в жестокую реальность. Следом послышался громкий крик. Чей – понять было невозможно. В крови вспыхнула изрядная порция адреналина.

– И все-таки, Грейс, не вылезай наружу, – попросил Хейден.

Звуки подействовали и на него. Мышцы Хейдена напряглись, в движениях появилась нервозность. Он был готов выскочить из хижины и помчаться выяснять ситуацию, но хотел убедиться, что я не увяжусь следом.

– Обязательно вылезу, – упрямо заявила я и нахмурилась.

Хейден шумно выдохнул.

– Ты можешь меня послушать? – спросил он сквозь зубы.

Он терял терпение, а мое упрямство лишь добавляло ему отчаяния.

– Нет, Хейден. Сейчас я тебя слушать не буду. Я выберусь наружу. Тебе придется или привязать меня и насильно удержать в хижине, или пойти вместе со мной.

Мой ответ почти рассердил его. Я это видела по насупленным бровям и выпяченной челюсти. Он запустил руку в волосы и лишь потом отрывисто кивнул:

– Хорошо, но ты будешь держаться у меня за спиной.

– Согласна.

Хейден крепко взял меня за руку, переплетя наши пальцы. Второй рукой он вытащил из-за пояса пистолет. Я вспомнила о брошенном ноже, которым едва не поранила Хейдена. Я быстро нагнулась за ножом, и мы покинули хижину.

Едва выбравшись, мы убедились, что поблизости никого нет, а выстрелы и крик донеслись из другой части лагеря. Хейден по-прежнему крепко держал меня за руку. Он двинулся не по дорожке, а напрямик, срезая путь между темными хижинами. Он водил пистолетом из стороны в сторону, хотя с каждой секундой становилось все очевиднее, что налетчиков здесь нет.

– Ты как? – спросил он, обернувшись на ходу.

Такой темп не годился при моем сломанном ребре. Но приток адреналина и воспоминания о минутах, проведенных с Хейденом в темной ванной, притупляли боль. Таблетки Докка делали ее вполне переносимой.

– Нормально, – ответила я, не покривив душой.

Хейден кивнул и потащил меня дальше.

Раздался новый выстрел, а следом – приглушенные крики. К этому времени мы почти достигли противоположного конца лагеря.

– Они уходят! – в отчаянии крикнул кто-то.

У меня зашлось сердце. Причины я не понимала. Радовало то, что отец с братом благополучно выбрались из Блэкуинга. Но к радости примешивалась досада: целые и невредимые, мои родные ушли. Раздался последний выстрел. Вскоре мы увидели Дакса с поднятым пистолетом. Мы подошли к нему. Рядом стояли, сжимая в руках оружие, Кит и Барроу.

– Улизнули, – сообщил Барроу, вытирая вспотевший лоб.

Его седые волосы топорщились во все стороны. Похоже, оповещение застало его в постели и он поспешил на защиту лагеря, не заботясь о внешнем виде. Для своих почти шестидесяти он находился в прекрасной форме. Я давно его не видела, но хорошо помнила нашу первую встречу. От Барроу исходило что-то

пугающее.

– Что произошло? – незамедлительно спросил Хейден. – Кто-нибудь пострадал?

Дакс вдруг кашлянул. Мы невольно повернулись к нему. Дакс ошалело смотрел на наши соединенные руки. Мы с Хейденом тут же расцепили пальцы и отодвинулись друг от друга. Но это видел не только Дакс. Мне показалось, что все смотрят на нас. Никто не ответил.

– Я задал вопрос, – напомнил Хейден, сердито глядя на своих подопечных. – Что произошло?

– Налетчики из Грейстоуна, – коротко ответил Барроу, предпочитая не комментировать увиденное. Меня он наградил сердитым взглядом, словно это я вызвала их сюда. – Никто из наших не пострадал. Но они сумели улизнуть. Верткие твари.

Его слова оскорбили меня и в то же время вызвали гордость за родных. Хейден облегченно вздохнул, довольный, что обошлось без жертв, и задал новый вопрос:

– Они что-нибудь утащили?

– Нет. Правда, любопытно? Грейстоунцы устраивают налет и ничего не берут. – Барроу бросил в мою сторону еще один сердитый взгляд.

Я сощурилась, показывая, что мне не нравятся его домыслы. Барроу откровенно винил в налете меня, но прав был лишь отчасти. Пусть отец и Джоуна искали в лагере меня, сама я ничем не могла спровоцировать их приход.

– Хорошо, что никто из наших не пострадал и налетчики ничего не унесли, – резко ответил ему Хейден, переключая внимание Барроу на себя.

Я наблюдала за Хейденом. Он стоял, выпрямившись во весь рост. Чувствовалось, слова Барроу задели его самолюбие, хотя он и пытался это подавить.

– Может, и так. А может, они просто не нашли то, что искали. Точнее… кого.

– Как понимать твои слова? – Хейден шагнул к Барроу. – Нечего ходить вокруг да около. Говори напрямую.

Кит с Даксом молчали, наблюдали за разговором, быстро перерастающим в перепалку.

– Думаю, они приходили за нею, – проворчал Барроу, кивая в мою сторону, но продолжая смотреть на Хейдена. – И еще я думаю, она каким-то образом к этому причастна.

Мне было не подавить язвительной усмешки, вспыхнувшей на губах. Барроу словно не хотел замечать очевиднейших вещей. Я никак не могла быть причастна к визиту отца и брата. Но этот человек рассматривал меня под другим углом зрения. Для него я оставалась пленницей из вражеского лагеря. Вся моя помощь Блэкуингу… ее словно не существовало. Барроу сердито смотрел на меня, пока Хейден не загородил ему обзор. Пусть Барроу и отличался значительной мускулатурой, Хейден был выше ростом, и, когда он подошел к Барроу почти вплотную, это стало еще заметнее. Старый строптивец это почувствовал.

– Грейс не имеет к налету никакого отношения, – сквозь зубы произнес Хейден.

Даже под футболкой было видно, как напряглись мышцы его спины.

– Никакого? Она из Грейстоуна. Значит, враг. Или с тех пор, как она у тебя поселилась, ты об этом забыл? Посмотришь, такая милашка. Могу побиться об заклад: она просто ждет удобного момента, чтобы перерезать тебе глотку, сбежать домой и выложить все наши секреты.

Барроу еще не знал, чья я дочка. Представляю, как бы он сейчас негодовал. Если одно то, что я из Грейстоуна, вызывало в нем такую ярость, причем неутихающую, мне не хотелось даже думать, как бы он себя повел, если бы вдруг открылось, кто я на самом деле.

Хейден сделал еще шаг. Он весь напрягся, сдерживая гнев. Мне хотелось броситься к нему, погладить по спине, успокоить. Но этого я не могла. Слишком много глаз следили за каждым моим движением. Они видели, как мы держались

за руки. Впрочем, это можно было истолковать как вынужденную меру. Хейден стремился не спускать с меня глаз. Хотя, возможно, в этом был и скрытый смысл.

– Барроу, а тебе известно, сколько пользы принесла Грейс нашему лагерю? – прошипел Хейден. – Сколько жизней спасла и как помогала во всем остальном? Ее никто не заставлял, но она это делала. Ты сам не понимаешь, о чем говоришь, а потому предлагаю тебе закрыть рот, пока я не успокоил тебя иным способом.

Нападки Барроу на меня он воспринял как личное оскорбление. Должна признаться, вид у Хейдена сейчас был устрашающий, а его слова не казались пустой угрозой. Барроу притушил сердитый взгляд и шагнул назад, выйдя из тени Хейдена и отдалившись на безопасное расстояние.

– Ладно, ладно, – пробормотал Барроу.

Руки Хейдена по-прежнему были сжаты в кулаки, а глаза сердито сверкали.

– Я всего лишь хотел сказать… не забывай, кто она.

– Спасибо за напоминание, – язвительно бросил ему Хейден. – А теперь, Барроу, иди домой. Самое время.

Слова Хейдена звучали скорее как приказ, нежели предложение. Только безумец мог бы вступить с ним в пререкания. Порою я забывала, что Хейден является командиром Блэкуинга и занимает это положение не просто так. Сейчас я получила зримое напоминание. Голос Хейдена звучал властно, а язык его жестов отчетливо показывал, какими полномочиями он обладает. Слабую попытку Барроу выступить против он подавил на корню, хотя тот был почти втрое старше его.

Хейден не сводил с Барроу сердитых глаз, вынуждая пятиться назад. Наконец Барроу повесил винтовку на плечо и слегка покачал головой. Это видели все. Он явно не верил Хейдену, но в открытую конфронтацию вступать не решился. Так и ушел, чувствуя на себе негодующий взгляд командира.

– Вот черт, – буркнул до сих пор молчавший Кит.

Я с трудом перевела взгляд с напряженных плеч Хейдена на Кита. Глаза у того были круглыми от удивления.

– Что? – огрызнулся Хейден, недовольно поворачивая голову к другу.

– Ничего. – Кит поднял руки. – Остынь, дружище.

В правой руке он до сих пор держал пистолет, что после ухода налетчиков стало лишним.

– Барроу брякнул не подумав.

Кит соглашался с Хейденом, и это меня удивило. Я помнила, как настороженно и враждебно Кит воспринял мое появление в лагере. Хотелось бы думать, что со временем его отношение ко мне изменилось. Должно быть, теперь он доверял мне больше, раз не встал на сторону Барроу.

– Это точно, – мрачно согласился Хейден.

Он немилосердно трепал себе волосы, как делал, если волновался или злился. И опять мне захотелось подойти к нему и успокоить, но я подавила вспыхнувшее желание.

– Как по-твоему, что им было нужно у нас? – вступил в разговор Дакс.

Чумазая щека и багровый кровоподтек на челюсти свидетельствовали о схватке с налетчиками.

– Не знаю, – все тем же напряженным голосом ответил Хейден.

Мельком взглянув на меня, он снова повернулся к Киту.

Хейден врал друзьям. Он прекрасно знал цель налета, однако не мог сказать, не раскрыв попутно, что грейстоунцам известно о моем пребывании в Блэкуинге. Наверное, рано или поздно он все-таки расскажет Даксу и Киту, но в таких условиях, где сможет контролировать ситуацию.

– Я так понимаю, никого из наших даже не ранили?

– Ошибаешься. – Дакс указал на распухшую челюсть. – Мне въехали по морде.

Он состроил гримасу, и как я ни крепилась, не смогла удержаться от смеха. Дакс улыбнулся во весь рот, довольный тем, что сумел разрядить обстановку.

– Извини, – пробормотала я, легкомысленно махнув рукой.

– По-твоему, это смешно? – спросил Дакс, делая вид, что рассердился.

– Ни капельки. Разве по мне не видно? – небрежным тоном ответила я, указав на собственные синяки и царапины. – Тут нет ничего смешного.

Странно, почему-то остальные повреждения не болели, как будто все внимание организма отвлекало на себя сломанное ребро.

– Смотрю, эти городские говнюки тебя тоже угостили, – сказал Кит, словно впервые увидел, в каком я состоянии.

Кит не скрывал своего восхищения. Я улыбнулась, испытывая гордость. Да, я умела постоять за себя. Мне всегда претило, когда из-за одной лишь принадлежности к женскому полу тебя считали слабой. Я умела бить и расправляться со Зверями не хуже любого парня.

– Спасибо, – поблагодарила я Кита, довольная его оценкой.

Только сейчас я заметила сердитый взгляд Хейдена. Похоже, ему не понравился дружелюбный тон Кита. Прежде Кит держался по-другому, ну и что? И чего Хейден злится? Буквально пару минут назад его обрадовала поддержка Кита. И на тебе, завелся непонятно с чего. Хейден заметил, что я за ним наблюдаю, и дал задний ход. Ревность в чистом виде. Я закусила губу, чтобы не хмыкнуть.

Ревность Хейдена была плодом его воображения и не имела под собой никаких оснований, однако доставила мне удовольствие. Оказывается, Хейден умеет ревновать. Проблески ревности я замечала у него и раньше, и с каждым разом мне это нравилось все больше. В мире, в котором мы жили, ревность была

проблемой очень маленькой, зато очень человечной. Она вносила иную ноту в нашу невеселую повседневность.

Бедняга Хейден. События этого вечера эмоционально раздавили его, и вина почти целиком лежала на мне. Совестно радоваться такому, но я не могла врать самой себе. Мне нравилось, что я так действую на Хейдена. А ведь это он разбудил во мне «женские чары».

– Ну что, раз все живы и из лагеря ничего не сперли, возвращаемся по домам, – угрюмо возвестил Хейден, говоря за нас обоих.

Он взял меня за руку и вывел из круга. Мое плечо невольно дернулось. Я вырвала руку, хотя его пальцы совсем не причинили мне боли. Просто я не любила, когда меня, как маленькую, водят за ручку, и он должен это понять. Хейден удивился, но противиться не стал.

– Пока, ребята, – простилась я, помахав Киту и Даксу.

Оба в некотором замешательстве смотрели на наш молчаливый поединок. Представляю, насколько странным им это казалось. Хейден, который своим грозным видом быстро поставил Барроу на место, с такой легкостью мне уступил. К чести обоих, они промолчали.

– Пока, – пробормотал очухавшийся Кит.

– Пока, ребята, – повторил мою фразу Дакс, понимающе усмехаясь.

Я нахмурилась, вспомнив его дневной вопрос: «А вы, получается, вроде как… вместе?»

Похоже, Дакс прекрасно знал истинный смысл происходящего. Возможно, даже лучше, чем я, но от каких-либо других слов воздержался, провожая нас взглядом.

Хейден угрюмо шел рядом со мной, больше не пытаясь взять меня за руку. Я не осмеливалась над ним подтрунивать, поскольку, как уже говорила, вина за случившееся отчасти лежала на мне. Нет, это мягко сказано. Я была основной

причиной всех событий. Но стычка с Барроу слишком омрачила настроение Хейдена.

Весь путь до хижины мы проделали молча. Хейден и внутри не сразу заговорил. Я присела на кровать, радуясь, что теперь ребро затихнет. Дверь Хейден захлопнул шумнее обычного. Значит, вместе с нами в дом вернулось и его дрянное настроение. Хейден прошел к столу, зажег свечку. Мне нравилось, что я вызываю у него такие чувства, но дело портили его мальчишеская вспыльчивость и раздражительность. И почему он такой дерганый теперь, когда я решила остаться с ним?

– Хейден…

– Тебе нравится Кит? – вдруг спросил он, удивив неожиданным вопросом.

– Что? – тупо спросила я.

– Тебе нравится Кит? – уже жестче повторил Хейден.

Я нахмурилась, не понимая, как его угораздило задавать столь дурацкий вопрос. Поначалу его ревность мне льстила. Но теперь я винила себя за то, что у него могла появиться такая мысль.

– Разумеется, нет, – ответила я, растягивая слова и надеясь остановить лезущие мысли.

– А ты уверена? – спросил Хейден, уйдя в другой конец комнаты.

Мне оставалось лишь выпучить глаза и сказать:

– Да, Хейден. Невзирая на то что здесь побывали мои отец и брат, я решила остаться в Блэкуинге с единственной целью: завести шашни с Китом.

Хейден молча смотрел на меня. Он подпирал спиной дверь, скрестив руки на груди. Потом шумно выдохнул, будто осознал всю нелепость своего допроса.

– В общем… я должен был спросить.

– Нет, не должен, – сухо возразила я.

Как вообще подобное могло взбрести ему в голову? Одно дело слегка меня ревновать, и совсем другое – думать, будто я увлеклась Китом. Хейден молча разглядывал меня. Что он хотел увидеть на моем лице?

– По-моему, ты впадаешь в паранойю.

– А ты не забыла, как дерьмово у меня прошел этот милый вечерок? – в отчаянии спросил он.

Хейден уже не так хмурился. Он запрокинул голову, упершись затылком в дверь, отчего его подбородок стал еще острее. Мне тоже пришлось изменить наклон головы, чтобы видеть его лицо.

– Значит, это только у тебя сегодняшний вечер прошел дерьмово? – скептически спросила я.

Я не злилась, но меня не оставляло странное ощущение, будто я разговариваю с упрямым ребенком. Глаза, которые он успел прикрыть, снова распахнулись, а голова наклонилась вперед.

– Нет… И что из меня лезет? Прости, – выпалил он.

Хейден оторвался от двери, шагнул ко мне, но остановился.

– Тебе сегодня пришлось тяжелее моего.

Теперь была моя очередь молчать. Я лишь удивленно вскинула брови и сжала губы. Потом опустила глаза и стала разглядывать сучок в половице.

– Понимаешь… Я сам не знаю. Я еще никогда никого не ревновал, – признался он.

Я снова увидела другого, беззащитного Хейдена. Наши глаза встретились. Его лицо изменилось. Там хватало и душевной боли, и растерянности.

– Ты же знаешь. Я осталась здесь из-за тебя, – твердо сказала я. Мой тон был язвительным и даже злым, но лишь потому, что меня бесило, как Хейден не понимает столь очевидных вещей. – Из-за тебя. Не из-за кого-то другого.

Это признание вырвалось у меня спонтанно. Я вовсе не собиралась говорить Хейдену таких слов, но они прозвучали в напряженном пространстве хижины, и назад их уже не взять.

– Ты всерьез решила остаться? – тихо спросил он, словно боясь своего вопроса.

Я вздохнула, поднялась и пошла к нему. Хейден шагнул мне навстречу.

– Да, Хейден. Я хочу быть здесь… с тобой.

У меня свело живот. Все недавнее раздражение, вся досада растаяли, когда Хейден подошел ко мне вплотную. Он смешал все ощущения, прижавшись ко мне и нежно погладив по щеке. Мы смотрели друг на друга, и наша взаимосвязь, которую я чувствовала всегда, только усиливалась.

– Медведица, я рад, что ты осталась, – едва слышно прошептал Хейден, и сердце у меня в груди запорхало, как птичка.

Свои слова он подкрепил поцелуем, и тот стер все сомнения. Жизнь с Хейденом дарила мне счастье, какого я не испытывала очень давно, и я не хотела терять это ощущение, чего бы мне ни стоил сделанный выбор.

Глава 5. Сокровенное

Грейс

Окружающий мир утратил ясность очертаний, стал каким-то нереальным. Время замедляло бег, стремясь к бесконечности, и каждая последующая секунда была длиннее предыдущей. Случившееся не укладывалось у меня в голове. Вместо

возвращения домой, к семье, я предпочла остаться в чужом лагере, с чужим парнем. Как я докатилась до такого выбора? Здравый смысл буквально орал, упрекая меня в предельной нелогичности, зато нечто другое, открытое мной совсем недавно, наслаждалось внутренним теплом, исходившим от моего решения.

Выбор был сделан скорее сердцем, нежели головой. Я и сейчас пыталась разобраться в своих ощущениях. Меня по-прежнему разрывало между домом и этой хижиной. Я очень боялась, что судьба отомстит мне за принятое решение. Однако сейчас меня переполняло счастье. Хейден слегка прижимался грудью к моей спине, согревая меня. Ощущение это было новым, нереальным и в то же время – удивительно знакомым.

Я лежала между ног Хейдена. Прислонившись спиной к стене, он осторожно обнимал меня за талию, стараясь не касаться сломанного ребра. После того поцелуя мы не сказали и нескольких слов. Я чувствовала: Хейдену, наравне со мной, нелегко разобраться и понять, что? же сегодня произошло. Я перестала себя терзать мозгодробительным анализом случившегося и решила сосредоточиться на ощущениях. Не думать, а чувствовать руки Хейдена, его успокоительное тепло.

Его руки очутились у меня на животе. Он по-прежнему обнимал меня сзади. Я ощущала каждый его вдох и выдох, наслаждаясь ритмом движения его груди, прижимавшейся то сильнее, то слабее. Голову я положила ему на плечо. Руки рассеянно двигались вверх-вниз по его рукам. Вытянутые ноги Хейдена обхватили мои бедра. Чтобы удобнее сидеть, мне пришлось согнуть колени. Когда он коснулся губами моего затылка, у меня защекотало в животе. Кто бы мог подумать, что этот упрямец способен быть таким нежным?

Глаза мои постепенно закрылись. Я наслаждалась ощущениями и еще больше растворялась в Хейдене. Казалось, наши тела были специально созданы друг для друга. Каждый изгиб одного находил для себя выемку в другом. Мне нравилось ощущать его тепло сквозь легкую одежду. Хейден сбросил рубашку, оставшись в одних шортах. В хижине он часто так ходил. Мне было трудно оторвать взгляд от его рельефного, загорелого торса. Любовалась я и в этот раз, пока мы оба не оказались на кровати.

Губы Хейдена прижались к моему плечу. Майка на лямках не мешала его рту дарить тепло моей коже. Не отрывая губ, он медленно вдохнул. Мне показалось,

будто он хочет что-то сказать, но он промолчал и снова прильнул губами к плечу. Я невольно рассмеялась.

– По-моему, ты собирался что-то сказать, – подначила я, показывая, что улавливаю его внутренний спор.

– А хочешь кое-что посмотреть? – вдруг спросил он.

Наши пальцы переплелись, и мои ладони оказались поверх его ладоней.

– Мы опять поедем на мотоцикле? – пошутила я, ощущая прилив любопытства.

Я помнила ту поездку, когда Хейден решил показать мне свое любимое место. Сейчас он негромко усмехнулся, окутав меня теплым дыханием.

– Нет, ехать никуда не придется.

– Хорошо, а то не знаю, как бы мое ребро вынесло тряску… Конечно, я хочу посмотреть это «кое-что».

– Отлично.

Его губы еще раз ткнулись мне в затылок. Я восприняла это как знак готовности к более открытому общению. Затем Хейден разжал руки, сдвинул ноги и встал с кровати. Я залюбовалась силой и изяществом его движений. Он мигом оказался возле письменного стола и выдвинул нижний ящик. У меня зашлось сердце, когда он вытащил фотоальбом, найденный мной в развалинах. Оно зашлось вторично, когда Хейден достал из-под альбома другой предмет.

Волнение, испытанное мною при виде фотоальбома, быстро погасло. Хейден вернул его на место и закрыл ящик. В руках остался дневник. Меня обдало новой волной любопытства, которое я старалась не слишком показывать. Хейден вернулся к кровати и присел на краешек, лицом ко мне. Кровать жалобно заскрипела.

Свой дневник он держал осторожно, глядя на потертую обложку так, словно она в любой момент могла вспыхнуть. Меня снедало неподдельное любопытство.

Хотелось узнать, о чем же он пишет. В прошлый раз, когда я спросила, Хейден отделался общими фразами и переменил тему, хотя в ту ночь он мне рассказал, как и при каких обстоятельствах потерял родителей.

– Тебе нельзя его читать, – вдруг заявил Хейден.

Я молча ждала дальнейших слов. Хейден посмотрел на меня и снова перевел взгляд на дневник.

– Точнее, не все записи.

– Хорошо, – согласилась я.

Мне вполне хватит того, что он согласится показать. Хейден кивнул, втягивая в себя воздух. Потом открыл потрескавшуюся обложку. Первая страница была заполнена разнообразными каракулями, которые я бы при всем желании не смогла бы прочесть.

– Этот дневник живет у меня почти с самого начала, – пояснил Хейден. – Мне не было и семи, когда Докк притащил его из очередной вылазки. Страниц двадцать я исчеркал описанием всего, чем мы с Китом и Даксом в тот день занимались. Я тогда еще учился писать.

Я понимающе улыбнулась. Удивительно, как живо я представила маленького Хейдена, склонившегося над книжкой дневника. Он заносил события дня, стараясь правильно выводить каждую букву. Я надеялась, что он писал о приятных событиях – например, о том, как они ходили к пруду. Словом, обо всем, из чего должно бы состоять нормальное детство. Хейден пододвинул дневник ко мне, показывая свой детский, далеко не идеальный почерк.

– Когда я немного подрос, то понял, что на мне лежит обязанность записывать разные события, поскольку больше никто…

Он не договорил и перелистал несколько страниц. Почерк становился аккуратнее и разборчивее. Буквы больше не прыгали вверх и вниз.

– И тогда я записал все, что помнил о родителях.

У меня сдавило сердце. С губ сорвался вздох. Я поняла, какого рода записи содержатся в дневнике Хейдена: его воспоминания о прежней жизни, о том, как выглядели его родители и как они погибли… Мне вдруг стало очень грустно. Я представила, каково мальчишке, почти ребенку, вести подобные записи. Но он это делал, поскольку не хотел забыть.

Я оторвалась от страницы и поймала на себе пристальный взгляд Хейдена. Он печально улыбнулся. Никакие мои слова не передали бы всей трагичности того, что он пережил в детстве. Я дотронулась до его колена. Провела по теплой коже и вновь ощутила искру, проскочившую от этого прикосновения. Через какое-то время Хейден сделал над собой усилие и продолжил рассказ.

– Когда я начал участвовать в налетах, когда увидел, как гибнут люди… я стал записывать и это.

Он перелистал еще несколько страниц. Я видела, сколько душевной боли вызывает у него обращение к списку погибших, хотя он и пытался это скрыть.

– Хейден, это же… Это все, кого вы потеряли?

Он кивнул, не глядя на меня. Страница печальной хроники делилась на две колонки. В первой шли имена и фамилии, во второй – краткое описание обстоятельств гибели. Первые же строчки заставили меня побледнеть. Никого из них я не знала, но при прочтении каждого имени у меня сжималось сердце.

«Джон Гэррити – погиб во время вылазки в город».

«Мария Феддерсон – убита налетчиками Грейстоуна».

«Бернард Ольсен – убит налетчиками Уэтланда».

«Виолетта Арендт – погибла во время вылазки в город».

«Серджо Коффман – убит налетчиками Грейстоуна».

Имена тянулись бесконечной цепочкой. Перелистав несколько страниц, Хейден добрался до конца списка. Меня как током ударило. Последнюю погибшую я

знала. Ее убили почти у меня на глазах.

«Хелена Троддер – убита налетчиками Грейстоуна».

Возможно, я остро реагировала на название своего лагеря, однако мне показалось, что Грейстоун как причина чьей-то гибели фигурировал в этом списке гораздо чаще остальных, включая город. Меня захлестнуло чувство вины. Сколько же здешних жизней унес Грейстоун. Я содрогнулась при мысли, что и сама могла внести свой «вклад» в умножение этого печального списка. С большой долей вероятности, это я спровоцировала гибель Хелены.

Мне вспомнились тела убитых, валявшиеся вокруг Грейстоуна. Эти жуткие картины бомбардировали мой разум. Сплошь незнакомые лица, но все равно человеческие. Столько погибших. За что их убивали? Только за попытку выжить и добыть средства к существованию для тех, кого они любили. Бессмысленные побоища, подло сокращавшие малое число тех, кто пережил уничтожение прежнего мира. Я вдруг ощутила полную невозможность понять причины, приведшие тогдашний мир к всеобщей катастрофе.

У Грейстоуна и Блэкуинга были вполне понятные причины для лютой вражды, и доказательства лежали передо мною. Слишком много людей нелепо погибло с обеих сторон, чтобы говорить о прощении. До Хейдена я не встречала тех, кто сознавал необходимость вести подобные хроники. В мозгу свербела мысль, от которой я не могла просто взять и отмахнуться. Я знала о мрачной реальности, в какой оказались выжившие, но только сейчас осознала другую, не менее страшную реальность: мы теряли человеческий облик.

– Грейс, – тихо произнес Хейден, вытаскивая меня из глубин темных мыслей. – Я не собирался тебя расстраивать.

Его рука легла на мою, и меня обдало жаром. Наши большие пальцы затеяли медленный танец.

– Мне… в общем, мне это жутко читать. Согласен? До какой отвратительной жизни мы докатились!

Сама не знаю, откуда взяла эти слова. Обычно я занимала противоположную, оптимистичную позицию, утверждая, что в жизни по-прежнему остается много

прекрасного и удивительного. Но теперь, когда я увидела сухую констатацию фактов и узнала, сколько людей бессмысленно погибло только в одном лагере, прежние рассуждения показались мне смехотворно наивными.

Хейден нахмурил брови, забрал дневник и наклонился ко мне. Его рука по-прежнему лежала на моей.

– Грейс, я же помню твои слова. Совсем недавно ты говорила, что в мире осталось еще много такого, ради чего стоит жить, даже если условия жизни… тяжелы и суровы.

– Суровы, – медленно повторила я, проверяя смысл слова.

Оно вполне годилось для описания нашего мира, но никак не оправдывало творимое варварство.

– Послушай, ну не все же так скверно. Вот, например…

Он отпустил мою руку и потянулся за дневником. Пролистав почти до середины, Хейден пробежал глазами страницу, затем подвинул мне, показав, с какого места читать.

«Сегодня водил Джетта на его первый урок по стрельбе. Результат препоганейший. Природных способностей – ни капли, хотя он был невероятно рад и счастлив. На следующей неделе ему исполнится десять. Мейзи удалось раздобыть все необходимое для праздничного торта. Подарю Джетту игрушечный вертолет, который привез из вчерашней вылазки в город. Надеюсь, ему понравится».

Эту запись я читала, не скрывая улыбки. Мне сразу вспомнился упомянутый игрушечный вертолет и вечер, когда Джетт заснул и Хейден на руках отнес его в хижину Мейзи. Вертолет по-прежнему оставался любимой игрушкой Джетта и стоял на видном месте. Я легко представила, сколько восторга вызвали у Джетта торт и подарок Хейдена. Эпизод помог снять часть тяжести, навалившейся на меня после списка погибших.

– Джетту понравился вертолет? – спросила я, улыбаясь Хейдену.

– Не то слово, – усмехнулся Хейден. – Малец в него влюбился. Больше года таскал с собой повсюду, пока одна лопасть не отвалилась. Дакс починил. Насколько помню, вертолет и сейчас стоит у него возле кровати.

– Собственными глазами видела, – подтвердила я.

Хейден перелистал еще несколько страниц, мельком просмотрел ту, где остановился, и хмыкнул, предлагая прочитать и мне.

«Застукал Кита и Мэлин в дальнем конце склада, где они шумно кувыркались. Не хочу увидеть такое снова».

Я покатилась со смеху. Кит, всегда такой серьезный и собранный – и вдруг позволил себе беспечно заниматься сексом в какой-то из общественных построек.

– Ты их поймал за этим делом?

Хейден тоже засмеялся, и в уголках глаз появились морщинки. Он кивнул.

– Не поймать их было просто невозможно, – смеясь, пояснил он. – Шум стоял такой, что наши подумали, не проник ли на склад какой-нибудь зверь. Мне не оставалось иного, как пойти и проверить.

Я улыбалась. Хотелось услышать рассказ об увиденном. Оказалось, жизнь в Блэкуинге состояла не только из печальных сторон. Веселые и грустные воспоминания шли вперемешку, и основы человеческой природы сохранялись даже в изменившемся мире.

– Жуткое было зрелище, – легкомысленно добавил Хейден, перелистав еще несколько страниц.

У меня екнуло сердце: среди записей мелькало и мое имя. Правда, сами записи Хейден прочитать мне не дал, что еще больше укрепило мою уверенность: речь шла обо мне. Достигнув самой последней страницы, Хейден наклонил дневник так, что мне она была не видна.

– Хейден, это… удивительно, – искренне призналась я.

Воздух вокруг нас ощутимо загустел, и окружающий мир снова отодвинулся.

– Ты так думаешь?

– Да, – закивала я, снова касаясь пальцами его колена. – Сам факт, что ты находил время столько всего записывать… хорошее и плохое… Это удивительно. Людям необходимо знать.

– Потому я и пишу, чтобы люди помнили события прошлого и… кем мы были.

– Хейден, я просто восхищаюсь.

Он посмотрел на меня, затем на страницу. Казалось, в душе Хейдена возобновился спор. Потом он вздохнул и показал мне запись. Всего одно слово. Увидев это слово, я шумно втянула воздух.

«Медведица».

Мое сердце стучало с перебоями. Я безотрывно смотрела на Хейдена. Казалось бы, всего одно слово. Прозвище, которым он меня наградил. Но то, что мое имя появлялось в его дневнике неоднократно, помогло мне осознать, насколько реальными стали мои чувства к Хейдену. Более того, они вызвали ответные чувства.

Пространство между нами, которое и так сузилось, исчезло совсем. Я наклонилась и поцеловала Хейдена в губы. Само то, что он показал мне это слово на последней странице, говорило о многом. Я ощущала напряжение, которое уже не могла игнорировать.

Хейден отозвался мгновенно. Отложив дневник, он потянулся ко мне. Теплые руки сжали мое лицо, а губы припечатались к моим с чувственностью, какой не было прежде. Все клетки моего тела пробуждались в ответ на поцелуй Хейдена. Поцелуй не был порывистым, но под спокойной поверхностью бушевали страстные глубинные течения. Страстное желание, вызванное этим поцелуем, растекалось по жилам. Мои ладони уперлись в его колени, сдвинув шорты к

бедрам. Хейден снова наклонился ко мне и поцеловал. Его язык ласково проник мне в рот. Голова наполнилась пьянящим туманом, постепенно захватывающим тело.

Хейден подвинулся, осторожно уложил меня спиной на матрас и навис надо мною, упираясь ладонями, чтобы не давить на меня своим весом. Даже сейчас, в порыве страсти, он помнил о моем поврежденном ребре и был предельно осторожен.

Я тихо застонала. Бедра Хейдена оказались между моими. От его прикосновения по моей коже пробежала теплая дрожь. Его руки обхватили мне голову, а мои потянулись и сомкнулись у него на шее. Я притянула Хейдена ближе. Наш поцелуй возобновился. Язык Хейдена слегка толкал мой, а мои руки бродили по его волосам. Казалось, пальцам не удается покрепче схватить пряди его волос и притянуть ближе его самого. И тогда я приподняла голову и со всем неистовством поцеловала Хейдена.

Тяжесть его тела я чувствовала только между ног, хотя мне отчаянно хотелось, чтобы он жарко придавил меня. Нет, Хейден так не сделает. Он помнил о моей ране. Страсть, захлестывающая меня, заслоняла боль, но я знала: навались он на меня по-настоящему, боль тут же напомнит о себе.

Сердце стучало быстрее обычного, когда Хейден слегка потянул зубами мою нижнюю губу. Потянул и тут же отпустил. Наши глаза на мгновение встретились. Губы Хейдена коснулись моей шеи, но я успела поймать отблеск его нарастающего желания. Он жарко целовал меня в шею. Моргая, я повернула голову набок, давая ему больше пространства. Язык Хейдена влажно скользил по моей коже. Немного спустившись вниз, он повторил эти дразнящие движения.

На моей шее появилась влажная дорожка поцелуев, протянувшаяся к ключице. Там Хейден слегка закусил мне кожу и сразу же провел языком, заглаживая последствия укуса. Я полностью утратила способность думать и дала телу полную волю. Мягкие прядки волос Хейдена скользили у меня между пальцев. Руки двигались сами: от волос к шее, плечам и спине.

Губы Хейдена опускались все ниже, лишая меня последних крох самообладания. Матрас подо мной сдвинулся. Хейден тоже сдвинулся. Опираясь на локоть, другой рукой он взялся на край моей рубашки. Ткань поползла вверх, дюйм за

дюймом обнажая мой живот. Чем я могла ответить? Только тихим стоном.

Хейден навис надо мною. Он снова внимательно разглядывал кровоподтек вокруг поврежденного ребра. Его лицо находилось вровень с моим животом. Я наблюдала за ним, пока глаза сами не закрылись.

Я все-таки заставила их открыться и увидела, что Хейден приник губами к моему животу. Рубашка на мне была задрана к самому лифчику. Темные волосы лезли Хейдену на лоб, а он продолжал двигаться вниз, забирая своими поцелуями часть моей боли. Так он двигался, пока не оказался возле пояса моих шортов.

Медленно, словно желая меня помучить, он повел пальцами вверх по моим бедрам, пока пальцы не проникли под резинку пояса. Хейден замер, ожидая, что я его остановлю. Я крепко закусила губу, пытаясь заставить себя дышать ровно, и едва заметно кивнула, давая ему молчаливое разрешение продолжать.

Мучительно медленно Хейден стал снимать с меня шорты и трусики, освобождая меня от одежды. Его губы двигались вслед за пальцами, покрывая поцелуями каждый освободившийся кусочек тела. Он немного откинулся назад, чтобы окончательно снять с меня шорты. Мое сердце колотилось так гулко, что я едва слышала падение шортов на пол.

Теперь Хейден держал меня крепко, а его губы двигались по внутренней стороне бедер, поднимаясь к месту, которое жаждало его прикосновения. Большие пальцы чертили на моих бедрах кружки, язык и здесь оставлял влажные следы. Секунды тянулись медленно, добавляя мучений. Мне хотелось поскорее ощутить жар его губ в заветном месте, и я мысленно просила его поторопиться.

А он был уже близко, совсем близко к желанному месту. Губы Хейдена достигли моего лобка. Предвкушая дальнейшее, я набрала в легкие побольше воздуха. Его жаркое дыхание окутывало мне лобок. На мгновение наши взгляды встретились, и я увидела, какой огонь пылает в его зеленых глазах.

– Грейс, веди себя потише, – прошептал Хейден.

От этих слов у меня по телу пробежала мощная судорога. Мое тело изнемогало от желания. Самообладание я потеряла раньше, чем Хейден до меня дотронулся.

– Хорошо, – только и могла прошептать я, едва дыша.

В знак понимания Хейден вскинул брови. Это было единственным предупреждением. Его язык двинулся к моему влагалищу.

Язык Хейдена был уже внутри! Я запрокинула голову. Дыхание, которое и так сбивалось, стало еще учащеннее, когда он прижался языком к клитору. Хейден ничего особенного не делал – просто надавливал на нервный узел. Каждое легкое движение его языка отзывалось во мне волной наслаждения. Такие движения раскрывали меня, и у Хейдена это здорово получалось.

Дотянуться до него я не могла и поэтому вцепилась в одеяло, пытаясь удержать бедра от самопроизвольных движений. Язык Хейдена снова водил по клитору, усиливая этим давление, которое уже появилось в нижней части живота. Его ладони лежали на моих бедрах, не позволяя елозить, а язык неустанно ласкал мне клитор.

Когда Хейден стал сосать клитор, осторожно втягивая его губами, я сдавленно застонала. Я была почти на пределе. Моя грудь стремительно поднималась и опускалась. Я слышала собственные стоны и пыталась их подавить, но безуспешно.

– Тише ты, Грейс, – пробормотал Хейден.

Он его голоса меня пробрала новая судорога.

– Прости, – ответила я, пытаясь взять себя в руки. – Забылась.

Я крепко зажмурилась и постаралась затихнуть. Меж тем язык Хейдена вновь оказался в моем влагалище, проникнув на всю длину. Теперь его движения были быстрее и нетерпеливее. Стенок влагалища он касался плоской частью языка, а самым кончиком надавливал мне на клитор. Его руки придерживали мои бедра, так и норовившие высвободиться.

У меня слегка задрожали руки; изо всех сил я вцепилась в одеяло, но не могла унять возбуждение. Я бросила все попытки самоконтроля и сдалась. Пальцы снова потянулись к волосам Хейдена. Жар и давление были слишком велики.

Каждое прикосновение его языка отзывалось во мне таким мучительным наслаждением, что я не могла сопротивляться.

Хейден еще сильнее давил мне на бедра, пресекая их попытки оторваться от матраса. Его язык в последний раз коснулся стенок влагалища. Губы снова обхватили клитор, и мне показалось, что меня сносит с кровати. Я громко застонала: не было смысла пытаться промолчать.

Мои дрожащие руки запутались в волосах Хейдена. Комната перед глазами расплывалась. Оргазм пронзил меня насквозь, затронув каждую клетку и каждый нерв. Глубоко дыша, я без остатка утонула в блаженстве.

Оргазм постепенно слабел. Язык Хейдена в последний раз коснулся самых чувствительных нервов, после чего он слегка поцеловал мне лобок. Мне отчаянно не хватало воздуха. Хейден перемещался вверх, покрывая поцелуями мое тело, пока наши лица не оказались на одном уровне. Он раскраснелся, глаза были полны жизни. Он смотрел на меня, не веря, что это он дал мне такое наслаждение.

Хейден поцеловал меня в ложбинку под ухом. Его губы застыли возле мочки.

– Шумновато ты себя вела, Медведица.

Я ответила смешком, все еще находясь под воздействием его недавних ласк. Каждая клетка моего тела пела от радости, наслаждаясь отблесками оргазма. Я чувствовала себя легкой, как облачко. Хотелось только одного: застопорить время и навсегда остаться с Хейденом в этом моменте, полном радости и наслаждений.

Глава 6. Муки страсти

Хейден

Моя грудь упиралась ей в спину. Я чувствовал каждый дюйм ее тела, соприкасавшегося с моим. Казалось, между нами пульсирует электрический ток. Лицом я прижимался к шее Грейс, где кожа была такая мягкая. Даже во сне наши руки оставались переплетенными.

Грейс крепко спала. Мои ласки утомили ее. Приятно было сознавать, что это из-за меня она так быстро уснула. А как она реагировала на мой рот! Одна эта мысль сводила меня с ума. Мои губы инстинктивно прижались к бархатистой коже на ее шее, и я не сразу смог оторваться.

Грейс что-то пробормотала во сне и крепче прижала мою руку к груди. Мне было не удержаться: я снова прильнул к ее шее и провел по ней губами. Ритм ее дыхания чуть-чуть изменился: сейчас она проснется. Я все же успел слегка закусить кожу на ее шее и был вознагражден еще одним вздохом.

– Грееееэйс, – прошептал я ей на ухо и чуть дернул зубами мочку уха.

– Хмммм, – тихо пробурчала она.

Я смотрел на ее плотно зажмуренные глаза. Она инстинктивно пыталась высвободить ухо из моих губ.

– Что ты делаешь? – хрипловато спросонок спросила она.

– Ничего, – невинным тоном ответил я.

Я осторожно разжал ее пальцы и повел по ее коже: она сразу покрылась мурашками. Во время сна майка Грейс завернулась, открыв пятна вчерашних кровоподтеков.

– Не говори ерунды, – зевнула она.

Моя рука добралась до ее бедра и чуть-чуть нажала. Там Грейс вмешалась, остановив продвижение. Я улыбнулся и еще раз поцеловал ее в шею. И снова мне было приятно сознавать, что она откликается на мои прикосновения.

– И тебе доброго утра, – ответил я.

Не припомню, чтобы я вставал в таком прекрасном настроении. К моему удивлению, Грейс вывернулась и шлепнулась на спину. Мои губы оторвались от ее кожи, а рука, повисев в воздухе, опустилась ей на живот. Грейс подозрительно сощурилась и пристально посмотрела на меня.

– Что это с тобой? – с легким упреком спросила она, заметив мою улыбку.

– Ничего, – искренне ответил я.

– Ты уверен? – Грейс игриво нахмурилась.

– Да. А почему ты спрашиваешь? – усмехнулся я.

Ее зеленые глаза сверкнули в приглушенном утреннем свете. На щеках Грейс еще оставался слабый румянец – память о вчерашнем.

«Боже, как потрясающе она умеет трахаться», – подумал я.

– Ты сегодня такой… – Она смотрела на меня, подыскивая нужное слово. – Счастливый.

– А что, мне непозволительно быть счастливым? – спросил я, улыбаясь во весь рот.

Удивительно: мое счастливое лицо вызывало у нее подозрение. Словно поймав эту мысль, Грейс покачала головой:

– Конечно позволительно. Просто это как-то… непривычно. Но очень здорово, – сделала вывод она.

Мои пальцы теребили край ее майки. Потом я слегка провел костяшками по животу. Каждое прикосновение вызывало у Грейс тихий вздох.

– Ну да, здорово, – согласился я.

Мною овладел приступ легкомыслия. Наклонившись, я поцеловал Грейс в губы. Она ответила.

– А теперь давай вставать, – пряча улыбку, заявил я. – Не ел с ночи и потому жутко голоден.

У Грейс покраснели щеки. До нее дошел смысл моих слов, и она замерла на кровати.

– Хейден, кто же ты на самом деле? – недоверчиво рассмеявшись, спросила она.

Теперь ее щеки пылали, что заставило рассмеяться меня самого. Мне безумно нравилось это девчоночье смущение. Грейс торопливо закинула волосы за ухо, потом осторожно села, отбросила одеяло и поморщилась: сломанное ребро напомнило о себе. Но Грейс тут же снова улыбнулась, не дав мне забеспокоиться. Как замечательно было смеяться, пусть даже и над такими глупостями.

– Меня приперло, – сообщил я, подкрепив слова еще одним взрывом смеха, после чего направился в ванную.

Грейс сумела меня опередить и первой оказалась возле двери.

– Потерпишь, – криво усмехнувшись, заявила она. – Сначала я.

Она проскользнула в дверь и уже собиралась закрыться, но оставила достаточно широкую щель, в которую было видно ее ухмыляющееся лицо.

– Извращенец!

Дверь захлопнулась, что вызвало у меня новый взрыв оглушительного смеха. Мне нравилось несерьезное отношение Грейс ко мне и готовность смеяться вместе со мной, преодолевая смущение. Я испытывал необыкновенную легкость. Уже и не помню, когда мне было так легко.

Минут через двадцать мы покинули хижину и зашагали к столовой. Лагерь выглядел гораздо оживленнее, чем обычно. Я вдруг почувствовал, что забыл о

чем-то очень важном. Обитатели лагеря, сбившись в кучки по три-четыре человека, возбужденно переговаривались и тащили непонятно куда какие-то вещи. Кто-то поздоровался со мной. Остальные были настолько поглощены своим делом, что даже меня не заметили.

– Слушай, мне это кажется… или действительно сегодня все какие-то взбудораженные, а не только я? – спросила Грейс, недоуменно косясь в сторону трех пробегающих девиц.

Те были немногим младше нас и неслись вприпрыжку, визжа от восторга.

– Тебе не кажется. Я тоже заметил.

Слева от нас двое мужчин катили к центру лагеря большую бочку.

– Никак что-то затевается? – спросила Грейс, тоже взглянув на мужчин.

– Понятия не имею, – признался я.

Грейс насмешливо фыркнула. Мне оставалось лишь выпучить глаза и вопросительно посмотреть на нее.

– А разве ты не командир? Тогда почему не в курсе?

Она по-детски хихикнула и пихнула меня локтем под ребра. Мне оставалось лишь улыбаться.

– Прикуси свой язычок, уроженка Грейстоуна, – сказал я и тоже пихнулся, но так, чтобы не задеть поврежденное ребро.

Перед уходом я буквально силой заставил Грейс проглотить болеутоляющие таблетки. Вначале она заявила, что вполне обойдется и без них, и только когда не смогла самостоятельно натянуть рубашку, сдалась и приняла лекарство.

– Ты так и будешь тыкать мне в нос моим происхождением?

Я не знал, обидело ли это ее всерьез, а поскольку улыбка не окончательно сползла с лица Грейс, я решил сменить тему и больше не говорить ей подобных слов. Не то чтобы они ее оскорбили, но ей было неприятно их слышать. Черт, умею же я все испортить.

Остаток пути мы проделали молча. В столовой было на удивление пусто. Казалось, население лагеря забыло о завтраке. Незабывших насчитывалось человек десять, включая Мейзи, стоявшую за раздаточным прилавком. Она весело поздоровалась с нами и спросила:

– Вы уже предвкушаете вечернее празднество?

Только сейчас я понял причину царившей в лагере приподнятости. Мейзи спрашивала меня о празднике еще недели две назад. В тот момент я думал о чем-то более важном и согласился, даже не вслушавшись. Изрядную часть моих мозговых извилин занимала некая пленница из враждебного лагеря, и мне было трудно сосредоточиться на других делах.

– Еще бы! Как идут приготовления? – спросил я, делая вид, что все помню.

Грейс смотрела на нас с Мейзи и ничего не понимала.

– Великолепно! Я уже несколько дней подряд вожусь с угощением. Пердита наготовила достаточно браги. Хватит на всех. Теперь нужно все разложить и расставить, а потом – милости просим!

Мейзи вся сияла от воодушевления. Как ни странно, ее энтузиазм передался и мне.

– Рад слышать, – кивнул я, беря тарелку с едой. – Скажешь, если что-нибудь понадобится.

Грейс взяла свою и улыбнулась поварихе.

– Вечером обязательно приходите! – Мейзи приветливо помахала нам и вернулась к приготовлениям.

– Так что сегодня затевается? – спросила Грейс, когда мы уселись за шаткий стол.

– Я напрочь забыл. Сегодня Мейзи… можно сказать, устраивает торжество. У меня это совершенно вылетело из головы.

– Торжество? – повторила ошеломленная Грейс. – А по какому поводу?

– Честно говоря, сам не знаю. Последние недели успешными не назовешь. Вот Мейзи и решила: пусть все сбросят напряжение и немного повеселятся. Раньше она устраивала такие праздники почти ежемесячно, но потом наступил перерыв. У нас не хватало припасов.

Я не стал говорить, что «кувыркания» Кита и Мэлин на складе тоже произошли во время одного из таких «торжеств».

– А мне нравится эта затея, – призналась Грейс, с улыбкой берясь за еду.

– Ну да, неплохо, – пожал я плечами.

Я-то никогда не мог веселиться, забыв обо всем: моей главной заботой оставалась безопасность. Учитывая, что в такие вечера большинство обитателей лагеря находились вне своих хижин да еще изрядно напивались крепкой браги, обеспечение безопасности приобретало особое значение.

– Брагу готовит Пердита. Вкус у этого пойла отвратительный, но забирает быстро. Самое интересное всегда происходит к концу вечера. Ощущение такое, как если смешать вино и виски.

– Кто такая Пердита? – спросила Грейс, словно припоминая, встречалась ли ей женщина с таким именем.

– Ты ее еще не видела, – сказал я и, прожевав кусок, продолжил: – Ей где-то восемьдесят пять. Немного не в своем уме, но потрясающе умеет делать взрывчатку, если под рукой есть все необходимое. И…

– И что? – спросила Грейс, поднимая глаза от тарелки.

– Она делала все мои татуировки, – сообщил я, внимательно наблюдая за реакцией Грейс.

Ее глаза слегка округлились, переместившись к моей левой руке, где находилась основная часть узоров. Грейс давно разбирало любопытство насчет моих татуировок, но спросить, как они появились, она не решалась.

– Восьмидесятипятилетняя старуха не в своем уме, которая обожает готовить брагу и взрывчатку. И ты позволил ей делать татуировку? – с усмешкой спросила Грейс.

Я пожал плечами:

– Звучит жутковато, но… больше никто не умеет.

– А чем она их делает? – с неподдельным любопытством спросила Грейс.

– В основном собственными ногтями и звериной кровью.

К выпученным глазам добавился открытый рот.

– Что? Серьезно?

– Нет, конечно, – засмеялся я. – У Пердиты есть татуировочная машинка. Когда мир летел в пропасть, ей удалось спасти это сокровище. С ним она явилась сюда. Кстати, машинка до сих пор исправно действует.

– Ну ты и дурень, – сказала Грейс, улыбаясь и качая головой.

Меня обдало волной счастья. Я радовался, что Грейс сидит напротив, улыбается и легкомысленно смеется. Я и сам находился не в своей тарелке. Сейчас я думал не о безопасности лагеря, а о румянце на щеках Грейс. Об огне ее глаз, вспыхивавшем всякий раз, когда она смотрела на меня. Я не представлял, что можно быть настолько счастливым просто от присутствия другого человека и чувствовать себя легко и непринужденно. Я не хотел расставаться с этим состоянием.

Наверное, Грейс уловила мысли, бродящие в моей голове. Улыбка на ее губах потускнела, глаза стали серьезнее. Мне ужасно хотелось знать, о чем думает она. Участившееся дыхание указывало на не слишком-то веселые раздумья. Казалось, мы сидим внутри пузыря, который в любой момент может лопнуть.

Так оно и случилось.

– Хейден! – послышалось слева.

Грейс подпрыгнула и заморгала. Как и меня, этот крик вернул ее в реальность. Стараясь не поддаваться досаде, я повернулся поглядеть, кто нарушил нашу идиллию. Это оказался перевозбужденный Джетт. Я хотел откинуться на спинку стула, но внезапность появления мальчишки сбила меня с толку, и я, наоборот, подался вперед. То же произошло и с Грейс.

– Привет, Джетт, – как ни в чем не бывало поздоровался я.

– Ты готовишься к празднику? Мейзи позволила мне оставаться, пока совсем не стемнеет! – с восторгом сообщил Джетт.

До сих пор Мейзи загоняла мальчишку домой на закате, говоря, что в темноте находиться на улице небезопасно.

– Значит, позволила? – удивился я.

Джетт возбужденно закивал, пританцовывая на месте:

– Да-а! Грейс, а ты готовишься к празднику?

Он и сейчас немного побаивался Грейс, но решительно смотрел ей прямо в глаза. После того как Грейс спасла мальчишке жизнь, застрелив налетчика из Уэтланда, страх Джетта перед ней поуменьшился. Повязки на его шее уже не было, и о том случае напоминала лишь тонкая белая черта шрама.

– Я не знаю, как здесь проходят праздники, но готовлюсь, – улыбнулась мальчишке Грейс.

С улыбкой искреннего восхищения она смотрела на Джетта и слушала его болтовню: энтузиазм мальчишки передался и ей.

– Я, как и ты, не могу дождаться вечера, – весело добавила она.

– Ну, мне пора. Я отвечаю за расстановку стульев, – с гордостью сказал Джетт, улыбнувшись Грейс.

– Это серьезное дело, маленький человек, – сказал я, ободряюще ему кивнув.

– Хейден, – заскулил Джетт, раздосадованный своим прозвищем.

– Прости, забыл, – усмехнулся я. – Тебе, Джетт, дали важное задание. Так что беги выполнять.

– До встречи! – весело крикнул нам Джетт, и его вынесло из столовой.

– Ох этот малец… – пробормотал я, отправляя в рот последний кусок с тарелки.

Грейс лишь усмехнулась.

Окончив завтрак, мы отнесли тарелки в корзину для грязной посуды и вышли. Снаружи царила все та же предпраздничная суета. Предвкушение вечернего праздника ощущалось почти физически. Приготовления продолжались. Центр лагеря преображался у нас на глазах.

– Наша помощь требуется? – спросила Грейс.

– Похоже, что да, – пожал плечами я.

День прошел быстро. Поток вещей, которые мы перетаскали из разных мест лагеря к его центру, казался бесконечным. Несли стулья, бревна и практически все, на чем можно сидеть. Из столовой вытащили столы, чтобы затем разложить приготовленное Мейзи угощение. Приготовление его потребовало нескольких дней безостановочного труда. К первой бочке браги, которую мы видели, идя на завтрак, добавилось еще три. Последнюю катили Кит с Даксом, возбужденные не меньше Джетта. В середине лагеря из громадных поленьев складывали

костер. Вокруг расставили керосиновые фонари. Как бы Грейс ни ворчала, я все время следил, чтобы своим усердием она не причинила вред сломанному ребру.

Начинало темнеть. Мейзи отрядила Джетта, Кита и Дакса носить еду из столовой. Мы с Грейс ее расставляли. Со всех сторон подтягивались люди, и довольно скоро в центре собралось все население Блэкуинга, за исключением занятых в патрулировании. Люди находились в приподнятом настроении. Оно стало еще выше, когда зазвучала музыка. Наши музыканты развлекали собравшихся и создавали приятную, легкую атмосферу.

Начало праздника не затянулось. Собравшиеся брали угощение, наливали брагу, оживленно двигаясь вокруг столов. Кит зажег громадный костер, и центр лагеря (а к этому времени уже достаточно стемнело) залил приятный мягкий свет. Грейс совершила последний поход на кухню и встала возле меня. Я глазел на собравшихся и не сразу понял, что она стоит рядом.

– Надо же, – удивленно прошептала она, вертя головой по сторонам. – А ты не преувеличил. Это самый настоящий праздник.

Я усмехнулся и постарался взглянуть на торжество ее глазами. Возле костра собрались люди разного возраста, и всем им было хорошо.

– Да, у Мейзи это здорово получается. Это очень… по-нормальному. Хорошо, когда люди ждут повторения чего-то приятного.

– Согласна, – тихо сказала она. – У нас в Грейстоуне нет праздников и никогда не было.

Я смотрел на ее лицо, освещенное костром. На губах Грейс застыла легкая улыбка. Рука сама потянулась, чтобы обнять ее за плечи, но я удержался.

«Здесь слишком людно, Хейден», – напомнил я себе.

– Там не было, но теперь ты здесь, – сказал я, не в силах оторвать от нее взгляд. Почувствовав, что я смотрю, Грейс неспешно повернулась ко мне. Меня как током прошибло. И вновь я едва удержался от желания прижать ее к себе.

– Хейден!

«Тебя здесь только не хватало!» – мысленно ответил я, стараясь не поддаваться всплеску раздражения. Опять этот настырный малец разрушил такой прекрасный момент.

– Джетт, ты что-то хотел? – резче обычного спросил я.

Грейс с упреком посмотрела на меня. Я повернулся к мальчишке. Взгляд у меня был совсем не праздничный, и Джетт малость опешил.

– Я это… хотел, чтобы вы потанцевали со мной, – пробормотал Джетт, кивая назад.

Собравшиеся вовсю танцевали. Эхо возвращало из темноты звуки музыки. Не знаю, каким был бы мой ответ Джетту, но Грейс меня опередила.

– Джетт, я потанцую с тобой, – сказала она, приветливо улыбнувшись.

Мальчишка тут же просиял. Его щеки густо покраснели.

– Потанцуешь? – переспросил он.

Чувствовалось, Джетт нервничал и оттого говорил писклявым голосом.

– Конечно. Идем.

Грейс повела Джетта к танцующим. В ее мимолетном взгляде я все же заметил улыбку. Ну вот, я снова остался без Грейс. Обшарив глазами праздничную толпу, я заметил Кита и Дакса. Они сидели почти у самого круга, покачивая стаканами с выпивкой. Я двинулся к ним и плюхнулся на свободный стул слева от Дакса.

– Привет, – бросил мне Дакс и тут же рыгнул.

На мой скептический взгляд он ответил улыбкой во весь рот.

– Привет, выпивоха, – сказал я, что вполне соответствовало его нынешнему состоянию. – Смотрю, ты времени не теряешь.

– Иначе какой же праздник? – лукаво улыбнулся Дакс. – А ты чего горло не промочишь? – спросил он, увидев, что я с пустыми руками.

– Сейчас исправим, – сказал Кит.

Через мгновение я уже держал кружку, до краев наполненную красновато-коричневой жидкостью. В ноздри ударил резкий запах, заставив поморщиться.

Я поблагодарил Кита и сделал осторожный глоток. Пойло обожгло горло. Вкус его и близко не стоял с виски, найденным Даксом во время той вылазки за лекарством для Кита. Но виски готовилось совсем в иных условиях, а в наших брага была вполне приемлемой. Во всяком случае, Даксу нравилось.

– О чем я говорил? – продолжал Дакс, обращаясь к Киту. – Ах да. Ты не представляешь, какая жуть бежать с падающими штанами…

Начало истории я пропустил. Невзирая на интригующую фразу, вслушиваться как-то не хотелось. Я смотрел туда, где танцевала Грейс.

Они с Джеттом размахивали сцепленными руками. Грейс улыбалась так широко, что у нее, наверное, свело скулы. Но какой же невероятно красивой была она сейчас, в этом неярком свете. Светлые волосы выбились из конского хвоста и упали на плечи. Она раскачивалась в такт музыке, помогая Джетту не сбиться с ритма. Даже в этом непритязательном танце сказывалась изумительная гибкость ее тела. Джетт пытался держаться по-взрослому, но получалось, конечно же, по-дурацки. Грейс смеялась, запрокинув голову. Это зрелище меня заворожило.

Джетту захотелось пройтись вокруг Грейс, как это делали взрослые мужчины. Она подняла руку с неповрежденной стороны. Край рубашки приподнялся, мелькнула полоска кожи и кровоподтек возле сломанного ребра.

Окружающий мир исчез. Каждое движение Грейс напоминало о вчерашней ночи, когда она извивалась под моими ласками. Каждая улыбка на ее лице, каждый

всплеск смеха приводили мне на память ее взволнованное дыхание в те минуты. Мой язык заласкал ее так, что ей не хватало воздуха. Я смотрел на Грейс и даже не пытался сдержать поток непристойных мыслей.

Грейс была не только потрясающе красива. Ее сексуальная притягательность зашкаливала. Сочетание одного с другим создавало мощную взрывную смесь, не оставлявшую мне ни единого шанса уцелеть.

Не успев подумать, я рывком поднялся. Кружка с брагой оказалась на земле. Грейс пыталась продолжать танец с Джеттом, но смотрела только на меня.

Я пошел к ней. Стремительно, так что лица вокруг слились в размытое пятно. Грейс повернулась ко мне спиной, я прижался к ней, и она напряженно застыла на месте. Джетт даже не заметил моего появления и продолжал танцевать. Мальчишка так увлекся, что не заметил, как Грейс отпустила его руки. Моя рука легла ей на бедро. Джетта потянуло к новой партнерше, и он плавно убрался в сторону.

– Пошли со мной, – прошептал я ей на ухо.

Мои губы коснулись ушной мочки, и это заставило Грейс содрогнуться всем телом. Сердце ее так сильно билось, что я ощущал это даже со спины.

– Хорошо, – шепнула Грейс.

Не дав ей опомниться, я крепко схватил ее за руку и молча потащил из круга празднующих. Никто не обратил на нас внимания. Люди были слишком увлечены выпивкой и танцами. Я вел Грейс к ближайшему краю лагеря, глядя на темнеющие деревья. Увести ее в хижину мне не хватало терпения.

Мы шли молча. Пламя костра осталось позади. Вокруг было темно. Мы все дальше уходили от празднующих. Наконец-то первые деревья. Я буквально втащил Грейс под их тень, где нас уже никто не увидит.

– Хейден, что…

Она не договорила. Я резко повернулся и впился губами в ее губы, зажав ее лицо в ладонях. Грейс отозвалась мгновенно. Один ее поцелуй – и во мне вспыхнул пожар. Обвив руками мою шею, Грейс притянула меня к себе. Я безотчетно напирал на нее, пока она не прижалась спиной к жесткой коре массивного ствола, отгородившего нас от света костра и шумной толпы.

Этого момента я ждал весь день. Я еще пытался сопротивляться, но любое противоборство угрожало свести меня с ума. И тогда я сдался. Мгновения наедине с Грейс снова наполнили меня жизненной силой. Я жадно целовал ее и не собирался сдерживать свои страстные порывы. Вчерашней ночью мы открыли опасную дверь. Я догадывался: это лишь начало долгой, отчаянной страсти, которую я никогда не смогу утолить до конца.

Глава 7. Неутолимое желание

Грейс

Хейден страстно целовал меня. Едва его язык проник мне в рот, поцелуи стали крепче и глубже. Я неистово прижималась к нему. Опираясь спиной о дерево, я двигала бедрами, а руками перебирала волосы Хейдена, слегка дергая за прядки. Это лишь подхлестывало его. Потом, как уже не раз бывало, ладони Хейдена переместились ниже, к бокам. Но даже в приливе страсти он помнил о сломанном ребре и старался обходить это место. От его прикосновений мое сердце, конечно же, сбилось с ритма.

Он плотно прижал меня к стволу. Шершавая кора царапала кожу. Спереди меня обдавало жаром разгоряченного тела Хейдена. Его губы с каким-то отчаянием водили по моим. Наши языки были жаркими и влажными. Я и не подозревала, до чего же сильно мне хотелось именно такого поцелуя.

Тихий возглас сорвался с моих губ, когда его ненасытные губы двинулись вслед за руками. Он покрывал поцелуями любое место на моем теле, до которого мог дотянуться. Боже, ну до чего красив был его рот! Руки Хейдена оказались у моих бедер. Пальцы вцепились в ткань шортов. Хейден прижимался ко мне, стараясь еще глубже вдавить в дерево. Чувствительная кожа на шее уже горела от его

поцелуев. А когда он втянул кожную складку и принялся сосать, я застонала. Подавить этот стон я не могла, и звук улетел в теплый вечерний воздух.

– Н-не надо, – прохрипела я. Только еще не хватало, чтобы люди видели засос на моей шее. – След останется…

Хейден жарко и резко выдохнул и с явной неохотой оторвался от моей шеи.

– А и черт с ним… – пробормотал он и закусил другую складку.

Оттуда он переместился к ушной мочке. Разум Хейдена был затуманен страстью, но от этих слов меня пробило, как ударом молнии.

Я вовсе не собиралась доводить его до такого состояния, но безудержный всплеск страсти передался и мне. Это было так неожиданно, стремительно и, конечно же, до боли приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/devos_megan/vernost

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити